

МЕЛЬНИКОВА Ирина

вера, надежда, любовь

Неоконченный РОМАНС

издательство «ЭКСМО»

Ирина Мельникова

Неоконченный романс

«ЭКСМО»

Мельникова И. А.

Неоконченный романс / И. А. Мельникова — «Эксмо»,

Журналистка Елена после гибели мужа бросила все: родителей, друзей, работу, уехала в небольшой таежный поселок и устроилась работать учительницей. И хотя к ней проявили интерес много местных кавалеров, в ее сердце не было места никому, кроме мужа... С появлением нового директора лесхоза Алексея Ковалева все изменилось. Это была любовь с первого взгляда, но отношения двух гордых самолюбивых людей ждали серьезные испытания. Узнав о давно пропавшем в тайге караване с золотом, Елена и Алексей отправились на поиски и попали в самое настоящее бандитское логово...

© Мельникова И. А.

© Эксмо

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	44
Глава 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ирина Мельникова

Неоконченный романс

Пролог

– Люди добрые! Вы только посмотрите на нее! Половина России стремится в Москву, чтобы хоть как-то выжить, сделать карьеру, а эта дуреха вздумала изображать жену декабриста! – Отец театральным жестом воздел руки к небу. – О боже, вразуми мою дочь, чтобы не наломала дров!

«Люди добрые» в лице мамы и бабушки осуждающе молчали, понимая, что их черед выразить свое отношение к событиям еще впереди.

Отец отошел к окну, устало опустил в кресло и окинул сердитым взглядом тоненькую фигурку дочери.

– Объясни еще раз старому склеротику, какая муха тебя укусила. Мы все – и я, и бабушка, и мама – оплакиваем Сережу. Но в трудные времена человек находит опору в близких людях, в друзьях, в любимой работе, наконец... Ты же словно не от мира сего! Бросаешься очертя голову в крайности: не спрашиваешь ни у кого совета, увольняешься с работы, покупаешь билет на самолет. Ну, скажи на милость, кому ты нужна в этом таежном захолустье? Представляю, является столичная фифа в этот богом забытый Привольный, ну и что? Думаешь, тебе там будут рады? У них своих проблем невпроворот, а тут ты явишься со своими болячками...

– Подожди, Максим! – Бабушка решительно встала с дивана, подошла к внучке и обняла ее за плечи. – Послушай меня, девочка! В сорок четвертом, когда погиб твой дед, мне тоже хотелось убежать куда глаза глядят, смотреть ни на кого не могла. Каюсь, поначалу смерти искала, потом опомнилась, спохватилась: сын ведь у меня совсем еще маленький, беззащитный...

– Бабуля, у тебя ребенок остался, а у меня, кроме фотографий и писем, – ничего. – Лена подняла голову и умоляюще посмотрела на родителей. – Отпустите меня, ради бога! Вы же всегда все понимали. Я не выживу здесь. В редакции смотрят на меня как на безнадежно больную и задания все подсовывают щадящие, с упором на развлекаловку. Изо дня в день, из часа в час одни и те же лица, одни и те же разговоры... Просилась в командировку на Кавказ, редактор посмотрел как на умалишенную. На следующий день узнаю: вместо меня отправили Ксюшку Завьялову, которая от каждого куста шарахается и дальше Подмосковья нигде не бывала. – Лена перевела дух. – В конце концов, я взрослый человек и в состоянии решать свои проблемы без подсказок. Конечно, для вас Привольный – край земли, но наши ребята в прошлом году сплавлились там по горным речкам на плотах и вернулись в полнейшем восторге и от природы, и особенно от людей. Горы, тайга, свежий, здоровый воздух! И с голоду там не пухнут, и так же, как в Москве, влюбляются, женятся, детей рожают и на судьбу, поверьте, не жалуются.

– Не хватало мне еще зятя местного разлива и внуков-туземцев! – подал голос отец.

– Максим, прекрати! – оборвала его бабушка, а мама сердито сверкнула глазами.

Максим Максимович стукнул в сердцах кулаком по подлокотнику, но от дальнейших комментариев воздержался.

– Ба, знакомые все пасмурные лица! – ворвался в кабинет отца Никита, младший представитель семейства. Несколько озадаченно оглядел постные физиономии старших родственников, но в силу врожденного оптимизма и щенячьей беспечности предпочел не впадать в мировую скорбь и с веселой ухмылкой потер ладони. – Прекрасненько! Похоже, запись на сибирские сувениры продолжается! – Он подсел к Лене и обнял сестру за плечи. – Слушай, дорогая сестренка, у меня грандиозная идея! Твой героический поступок еще аукнется в исто-

рии. Поэтому ни дня без строчки и фотоснимка. Фиксируй каждый свой вдох и выдох. Я тут примерный план съемок набросал: «Лена в ногах убитого ею медведя», «Лена с соболем через плечо», «Лена моет ноги в истоках великой сибирской реки»...

Сестра улыбнулась,хватила из рук брата растрепанную записную книжку и шлепнула его по лбу.

– Чего-чего, а капканчик специально привезу на чей-то длинный язык!

Она подошла к матери, села рядом, прижалась к ней.

– Родные мои, простите меня, пожалуйста! Я ненадолго уезжаю, честное слово! Возможно, мне хватит нескольких месяцев, чтобы понять, кто прав: вы или я. В жизни надо многое испытать, чтобы стать по-настоящему взрослым человеком, вы же сами меня в этом постоянно убеждали. А теперь, когда я решила последовать вашим советам, вы непонятно почему воспротивились. Неужели я такое никчемное, такое тепличное создание, что погибну от первого же сквозняка? Дайте мне шанс стать независимой...

– Ну что ж... – Отец сухо посмотрел на дочь, обвел взглядом домочадцев. – Борьба за независимость – святое дело! Только не жалуйся потом, если в боях за суверенитет зубы потеряешь... – Максим Максимович огорченно развел руками. – Знаю, что упрямая, знаю, что настырная. И как тебя ни уговаривай, все равно по-своему сделаешь! А я не хочу, чтобы мы расставались врагами. – Он махнул рукой и огорченно добавил: – Поезжай, бог с тобой, но, когда будешь собирать вещи, не забудь про валенки, полушубок и гусиный жир – первейшее средство от сибирских морозов. – И, хлопнув дверью, вышел из кабинета, а Никита на радостях стукнул записной книжкой по журнальному столику, отчего любимая мамина ваза слегка подпрыгнула на месте.

– Слушай, Ленка, раз уж тебе разрешили отправиться к черту на рога, будь другом, добудь мне медведя. Я его шкуру у себя в спальне повешу. И чтобы клыки у него были не меньше моей авторучки!..

Глава 1

Учительская гудела как потревоженный пчелиный улей. Словесники за широким столом у окна с упорством шведов под Полтавой отстаивали каждый час учебной нагрузки в следующем учебном году. Руководитель методического объединения Сталина Григорьевна, дама по обыкновению томная и настроенная на лирический лад, с трагическим видом закатывала глаза и то и дело подносила пальцы к вискам, изображая неподдельное страдание. Деньги, нагрузка, классное руководство – как это пошло и не интеллигентно ссориться по таким пустякам. Сталина Григорьевна могла себе позволить не думать о деньгах и прочих грустных реалиях жизни сельского учителя, потому что ее мужу принадлежали все бензоколонки в округе. Поэтому Сталина была единственной учительницей в школе, которая имела неполную нагрузку и по этой причине жила полноценной жизнью, то есть частенько посещала городские театры и художественные выставки, ездила на курорты и наводила красоту в модных косметических салонах. Правда, учителем слыла неважным, но это обстоятельство скрашивал ее супруг, который частенько дарил школе то компьютер, то спортивный инвентарь, то талоны на бензин, а в зимние каникулы оплатил поездку десяти отличникам в Санкт-Петербург. Поэтому Сталину обычно не притесняли и терпели как досадную, но выгодную необходимость.

Схватка была в самом разгаре, но никто привычно не обращал на нее внимания, потому что каждому, кто присутствовал сейчас в учительской, не раз пришлось пережить подобные волнения. И все знали, что в конце концов все придут к обоюдному согласию, потому что последнее слово останется за директором и завучем. Как они решат, так и будет!

Белобрысый историк, не обращая внимания на склоки за своей спиной, говорил что-то вдохновенно и вполголоса в телефонную трубку. Все уже знали, что его роман с детским врачом Танюшей Потаповой стремительно развивается, и, судя по тому, что Костя, так звали историка, в последнее время не ночевал дома, дело шло к свадьбе. Тем более Танюшу замечали уже не раз в свадебном салоне районного центра, где она с упоением рассматривала наряды для невест.

Учительская молодежь обосновалась в углу за пыльной пальмой. Их приглушенные голоса и оживленная жестикуляция мало что добавляли к бедламу, царившему в конце учебного года в священной обители педагогов. Полное блюдо пирожков из школьной столовой и исходящий паром самовар говорили о том, что молодежь собралась гонять чай всерьез и надолго. Но более всего они хотели укрыться как можно надежнее от глаз школьной администрации.

Они понятия не имели о том, о чем уже знала Лена: их глубокоуважаемый директор Николай Кузьмич Киселев, человек степенный и предсказуемый во всех делах и поступках, несколько минут назад пробежал легкой рысью по школьному коридору, натягивая на ходу кожаный плащ, нахлобучивая клетчатую кепку и втискивая какие-то бумаги в портфель.

Причем все это делалось одновременно, отчего кепка отлетела в сторону, а бумаги рассыпались по полу. Директор застыл от растерянности, но на помощь ему бросился завхоз Трофимыч. Бумаги водворили на место, кепку директор зажал под мышкой и резво скрылся в неизвестном направлении. Из чего Лена сделала вывод: случилось нечто чрезвычайное и, возможно, очень неприятное. Но думать о плохом в такой ласковый, по-настоящему летний день ей не хотелось. Пусть события развиваются своим чередом. И она быстрым шагом вошла в учительскую...

Молодежь призывно замахала ей из угла, но Лена покачала в руках толстую пачку тетрадей, пожала плечами и горестно вздохнула. Намек был понят, и ее оставили в покое.

В учительской пахло пылью и старой бумагой. Перед ремонтом сюда снесли на время все, что с незапамятных времен горами копилось в шкафах, практически никогда не применялось, но носило громкое название: наглядные пособия.

В открытые окна ворвался ветерок, парусом надул шторы, поиграл страницами раскрытых тетрадей, книг, журналов, смахнул со стола стопку отштампованных для экзаменационных работ листов бумаги. Елизавета Васильевна, школьный секретарь, ринулась их подбирать, чуть не сбив с ног и Лену, и столик, на котором стояли графин с водой и телефон.

– Ой, Леночка, извините. – Она поправила растрепавшиеся волосы. – Сегодня совсем в бумагах потерялась!

Лена огляделась: почти все столы заняты студентами-практикантами. Они давали последние в этом году уроки, строчили конспекты и отчеты по практике, обложившись горой учебников и дополнительной литературы. А их наставницы во главе с руководителем практики, завучем Софьей Моисеевной, сбились в тесный кружок, от которого исходил основной шум в учительской. Группа породных «мамок» – этим не совсем почтительным прозвищем их наградили молодые коллеги – оккупировала красный дерматиновый диван и стоявшие вокруг него стулья. По легенде, которую по обычаю рассказывали всем новичкам, красный диван лет двадцать назад вручили школе за второе место в соревновании на лучшую подготовку средних учебных заведений к новому учебному году, и с тех пор он именовался «Переходящим знаменем». Кануло в Лету социалистическое прошлое, и воспоминанием о тех благословенных временах остался в учительской неуклюжий, жесткий, с кое-где потрескавшейся обивкой, огромный, кумачового цвета диван. Молодежь со своими тощими задами его игнорировала, а вот у «мамок» он был любимейшим местом обсуждения новостей любого масштаба – от поселкового до всемирного. Причем некоторые новости обсуждались здесь гораздо раньше, чем официально появлялись на свет...

Сейчас диван с трудом вмещал трех грузных «мамок», остальные ютились на жалких казенных стульях и терпели муки-мученические: согнуться им мешали солидные животы, а разговоры велись секретные, совсем не для ушей молодых, резвых коллег. Короче, «мамки» предавались своему любимому занятию – сплетничали. И Лена могла дать голову на отсечение, что предметом их живейшего обсуждения стал новый директор лесхоза. Он появился всего несколько недель назад вместо недавно умершего от инсульта Василия Петровича Боровского. Никто в поселке нового как следует не видел: в конторе он не сидел, а, скинув франтоватую городскую одежду и переодевшись в собачью доху и унты – в горах еще лежал снег по колено, – давал шороху подчиненным на местах.

Вела разговор по традиции Фаина Сергеевна, пожилая учительница химии. Ее муж, добродушный розовощекий Егор Никитич, возглавлял какую-то незначительную службу в лесхозе, был маленьким, но начальником, поэтому Фаина постоянно пребывала в курсе всех конторских новостей и сплетен. Себя она считала чуть ли не первой дамой в поселке, так как настоящие первые дамы – жены бывшего директора лесхоза, главного инженера, главврача и других начальников повыше и пониже рангом – были настолько замотаны работой, хозяйством и детьми, что на участие в светской жизни поселка у них не хватало ни сил, ни времени. Фаина Сергеевна в одиночку взвалила на себя непосильную ношу. Она с непомерным энтузиазмом возглавляла все мыслимые и немыслимые комитеты и советы, постоянно была на виду, и это давало ей повод обо всем судить с присущим ей апломбом и принципиальностью.

В ней было что-то от лошади: сухая, поджарая, голенастая – она тем не менее считалась первой модницей поселка. Вещи у нее были фасонистые, но порой совсем не подходящие для деревенской улицы, что нисколько не умаляло ее самомнения.

Она почти как личное оскорбление восприняла появление в Привольном три года назад новенькой, одетой по последней моде учительницы – Елены Максимовны Гангут. Чутьем старой интриганки и сплетницы она поняла, что эта скромная, очень красивая девушка со стран-

ной фамилией о чем-то предпочитает не говорить и что тут кроется какая-то тайна. Вскоре это «что-то» обрело более четкие формы. Лена всячески избегала разговоров о семье и бывшем месте работы, и тем не менее в компанию «мамок» каким-то непостижимым образом просочились слухи, что она работала в Москве в известной газете, но по неведомым причинам бросила престижную работу и уехала в таежную глухомань.

Версии рождались одна за другой. По одной из них, она сбежала в тайгу от несчастной любви, по другой – от мужа, заставшего ее с любовником, а по третьей – она его застала. Тут «мамки» – дамы, в общем, незловредные – давали волю своей буйной фантазии. Жизнь на свежем деревенском воздухе, небогатая событиями, весьма подхлестывает воображение. Но все, как одна, сходились во мнении, что, несмотря на окутанное мраком прошлое, девушка держалась безупречно: слишком назойливых поклонников отшила сразу и бесповоротно, учителем оказалась толковым, от многочисленных поручений не отказывалась, то есть вела себя так, как и подобает молодой сельской учительнице, а не какой-то прожженной столичной штучке.

За эти годы у Лены сложились добрые отношения с коллективом школы и многими жителями поселка. Одевалась она скромно, и только зоркий глаз Фаины Сергеевны мог определить, что все ее неброские туалеты великолепного качества, стоят приличных денег и подобраны с безукоризненным вкусом.

Недавно Лена купила в лесхозе в рассрочку коттедж, и сразу же возник новый повод для разговоров: откуда у нее деньги и кого она позовет на новоселье, которое, если верить слухам, должно было состояться через неделю.

Не ведая, какие бури сотрясают красный диван, Лена поставила массивный кожаный портфель на край стола, который она делила с учительницей математики – Зоей Викторовной. На столе, как всегда, черт ногу сломит: тетрадки, классные журналы вперемешку с моделями геометрических фигур, линейками, циркулями и коробочками с цветными мелками... Лена отодвинула в сторону стопку тетрадей и обнаружила в завале журнал своего 10-го «Б» класса, открытый на странице с надписью «Математика».

Она взглянула на почти пустую колонку. Так и есть: в графе «Зачет» большинство оценок еще не проставлено, но напротив фамилии Страдымова, ее основной головной боли, в клеточке красуется жирная двойка. Очевидно, что-то послужило последней каплей, переполнившей чашу терпения Зои Викторовны. Математиком она была от бога. За уши никого никогда не тянула, но внушала ученикам прямо-таки фанатичную любовь к своему предмету. Несмотря на полноту, она летала по классу от парты к парте, от стола к доске и успевала за урок сделать столько, сколько молодой учитель вдалбливал своим подопечным за неделю.

При этом Зоя Викторовна никогда не заботилась о том, какое впечатление она производит на окружающих. По школе ходило предание, как она года четыре назад умудрилась не заметить присутствующую на ее уроке высокую комиссию из крайоно. И только когда ученики выполняли самостоятельную работу, она, проходя по рядам и выставяя оценки в раскрытые дневники, очень удивилась, обнаружив на последних партах несколько упитанных чиновниц с сурово поджатыми губами. В недоумении поглядев на них поверх очков, она величественно прошествовала к столу.

– Тетради на стол, домашнее задание на доске! – этими словами она закончила урок и собиралась удалиться в учительскую. Но не тут-то было! Комиссии, отсидевшей зады на неудобных школьных скамейках, не терпелось разогнать кровь. Конечно же, уважаемая Зоя Викторовна совершила уйму ошибок: не комментировала оценки, а просто выставила их в дневники, обозвала ученика олухом, не объявила об окончании урока... Зоя Викторовна молча выслушала замечания, потом взяла со стола пачку тетрадей и смачно хлопнула их о парту перед председателем комиссии.

– Методические упущения, педагогические отклонения... Через пятнадцать минут у меня урок, просмотрите эти работы. Будут замечания – приму к сведению, – сказала она и вышла из кабинета.

Остолбеневшие от такой наглости члены комиссии пытались возмущаться, но председатель своей властью приказал им замолчать и раздал всем тетради класса. Ровно через четверть часа выяснилось, что все ученики справились со сложнейшими заданиями практически без ошибок. Правда, многомудрый директор Киселев тактично умолчал о том, что на уроке, к счастью, отсутствовал ученик Страдымов, который вполне мог эти показатели подпортить. Но Страдымов покуривал в это время за школьным гаражом в компании таких же шалопаев-прогульщиков, и о тайной директорской хитрости так никогда и не узнал...

Илья Страдымов был, пожалуй, единственным учеником за всю долгую учительскую жизнь Зои Викторовны, который математику совершенно игнорировал, а десятый класс воспринимал как тренировочную отсидку перед заключением в места не столь отдаленные.

Его отцу было уже за шестьдесят, работал он плотником в лесхозе и с упорством, достойным лучшего применения, искал истину в вине, так что до младшенького, Ильи, руки у него никак не доходили. Впрочем, в свое время они не дошли и до старшего – Филиппа, отсидевшего не один срок за кражи и разбой...

Вот в эту семейку и предстояло идти Лене на разборки сегодня вечером. Поход был очередной данью завучу, которая всю работу с родителями представляла в виде бесконечного посещения квартир и безрезультатного выяснения отношений.

Низкий голос Зои Викторовны заставил Лену поднять голову.

– Господи, деточка, у вас поразительный талант наводить порядок!

Лена с удивлением воззрилась на стол: действительно, в тоске от предстоящих испытаний она незаметно для себя разобрала на столе все завалы.

В мгновение ока Зоя Викторовна водрузилась на самый широкий в учительской стул и свела на нет все усилия девушки. Она вновь разложила на столе классные журналы, а тетради сдвинула на Ленину половину. При этом она не переставала говорить:

– Вы знаете, Леночка, новый директор лесхоза – прямо Фигаро неуловимый. Говорят, очень видный из себя мужчина, но груб, как фельдфебель. – Зоя Викторовна перевела дух. – На днях такое наговорил Зинаиде, главному бухгалтеру, что она два часа проревела у себя в кабинете. Это с ее-то гонором! – И Зоя Викторовна окончательно забыла, зачем села за стол. – А вот Фаина Сергеевна, – она многозначительно кивнула в сторону химички, восседавшей на диване, – видела, как он вышвырнул из кабины Генку-тракториста. Мне, говорит, пьянь за рулем не нужна. Жена его, Татьяна, сегодня бегала за муженька просить, так он и ее отчитал, чтобы не унижалась.

Две молоденькие, маленькие, похожие на взъерошенных галчат учительницы начальных классов, Люба и Лариса, высунулись из-за пальмы и недоверчиво переглянулись.

– Это Генку-то?! Да он самый крутой мужик в поселке, а уж если выпьет, так и вообще с ним сладу нет. Участковый и то с Генкой не связывается!

Зоя Викторовна махнула рукой:

– Сравнили тоже! Новый директор покруче этого верзилы. Я тут видела, как он у конторы из машины выходил – в собственных ногах запутался. В шубе, унтах, настоящий медведь, да и рык у него медвежий... Что теперь будет? – Зоя Викторовна горестно покачала головой. – Василь Петрович, покойный, тоже был не сахар, всех в кулаке держал, а при этом, наверно, вообще век свободы не видеть!

– Ну, вы, Зоя Викторовна, прямо на какой-то блатной жаргон переходите, – упрекнул ее Витя-Петя, учитель физкультуры Виктор Петрович Цыганков, подсевший под пальму к «2-Л-2», как он в шутку называл Любу и Ларису. Он обнял их за плечи и понизил голос: – Я вам, девушки-милашки, одно скажу: директор – мужик стоящий, за три недели, что здесь в

поселке, все участки на вертолете облетел, некоторым так хвосты накрутил!.. А что? До сих пор винтом держат. – Физрук коротко хохотнул. – Жена у меня на поселковой АТС работает. Всего сказать, как вы понимаете, я не могу, – Витя-Петя многозначительно подмигнул Лене, – но егеря рассказывают: шибко мужик грамотный! Правда, въедливый, не приведи господь. В каждую щель залезет, все насквозь видит. Куда там Василию Петровичу. Тот только и знал, что кулаком по столу гроыхать да блажить на весь поселок. – Слегка повозившись в кресле, Витя-Петя принял более удобное положение и продолжил: – А Зинка ревела не оттого, что он на нее рывкнул, а что не разглядел ее красоты, не обомлел и в объятия не бросился. Что вы, Зинаиду не знаете? Любит она хвостом покрутить перед начальством, а тут такой пассаж! – Витя-Петя подставил чашку под краник самовара, взял из вазочки общественную, купленную в складчину сушку и, дожидаясь, пока чашка наполнится кипятком, развалился в кресле.

– Теперь, девоньки, подходите поближе, скажу я вам главную новость, а то мне на вас, на корню засыхающих, смотреть дюже противно и обидно...

– Чем же мы вам так не угодили, Виктор Петрович? – ехидно спросила из своего угла любимая Ленина подруга, англичанка Верка Мухина, по мужу Шнайдер.

– Цыц, Верка, не о тебе речь. Ты у нас баба замужняя, и разговоры наши тебе слушать не положено.

Верка захохотала, но поближе придвинулась к Лене и неразлучным «2-Л-2».

– Сообщил мне тут один конфиденциальный источник, пожелавший остаться неизвестным, что он, – заговорщицки прошептал физрук, а многозначительный взгляд в небо подтвердил, кого он имел в виду, – в законном разводе, детей не имеет, так что ловите, девоньки, шанс удачи за хвост, да побыстрее! – Щипнув девчонок за бок, отчего они отчаянно взвизгнули и покраснели, веселый физрук скосил глаза в сторону дивана и погрозил учительницам пальцем: – Смотрите, больница к конторе ближе, чем школа, опередят вас врачихи, а то и сама Зинаида приберет его к рукам, она баба ушлая!

– Да он небось совсем старый. – Лариса скривила губы.

– Ничего себе старый! – едва не вскочила с красного дивана Фаина Сергеевна. Химичка хоть и далеко сидела, но события контролировала, а уши привычно держала топориком. – На вид ему не больше тридцати пяти, а может, и того меньше. Сегодня он нас с мужем до школы на своей машине подвез и, представьте, сделал мне комплимент. – Фаина торжествующе оглядела учительскую. Наконец-то она добилась своего: слушали ее все без исключения. Даже секретарша перестала печатать, а очумевшие от дурной писанины студенты подняли головы. С удовольствием отметив всеобщий интерес к своей особе, Фаина продолжала:

– Я, говорит, даже не подозревал, что встречу в поселке такую элегантную даму. – Она кокетливо взбила рукой пышные обесцвеченные волосы. – А потом подал мне руку, помог выйти из машины и проводил до самой школьной калитки.

– Да? – удивилась Любаша. – Ему б на вашем месте Елену Максимовну увидеть, вообще бы дара речи лишился.

Фаина Сергеевна издала какой-то квохчущий звук, побледнела и одарила молоденькую учительницу таким красноречивым взглядом, что всем стало ясно – девчонка по глупой оплошности нажила себе врага. Учителя, тактично пряча глаза, принялись за свои дела, секретарь застучала на машинке, и только Витя-Петя беззвучно трясся от смеха в своем кресле, накрывшись спортивной газетой.

– Ну, Любка, ну и отчебучила, теперь Фаина при удобном случае с потрохами тебя сожрет! – прошептал он.

Любаша только недоуменно пожала плечами и пристроилась к телефону, оттеснив от него Костю.

Зоя Викторовна тем временем захватила со стола конверты с экзаменационным материалом и устремилась в кабинет к завучу, оставив на столе еще больший беспорядок. Снова при-

ниматься за бесполезную уборку у Лены не было никакого желания. Вспомнив, что по дороге в школу почтальон вручил ей письмо от отца, она достала его из портфеля и распечатала конверт...

Родители исправно писали ей по четко определенному графику: мама радовала семейными новостями в начале каждого месяца, а во второй его половине отец сухо информировал дочь о ее упущенных возможностях. За три года эта традиция ни разу не была нарушена, поэтому чтение отцовских писем Лена старалась всегда отложить на потом. Читать о том, к чему приведет ее прозябание в таежной глуши, – не слишком приятное занятие. Нельзя сказать, что она не любила отца и не считалась с его мнением, но ее скоропалительный отъезд разрушил все его надежды, и он до сих пор не мог забыть обиды, поэтому письма его были излишне колкими и язвительными. Только бабушка и младший брат, непутевый, по мнению его телевизионного начальства, авантюрист и экспериментатор Никита, радовали ее веселыми, остроумными и частенько хулиганскими письмами.

Лена повертела в руках конверт, все еще раздумывая – читать или не читать, но тут – о счастье! – прозвенел спасительный звонок, и письмо опять удобно устроилось в портфеле.

Под дикий торжествующий рев нескольких сот детских глоток, возвестивший окончание уроков, Лена выскочила в коридор: под шумок дежурные по классу могли смыться и предоставить ей сомнительное удовольствие вылавливать их по всему поселку.

Выяснив попутно отношения со школьной сторожихой, младшему чаду которой, шести-класснику Сережке, существу весьма противному и ленивому, грозил второй год, Лена вернулась в учительскую и увидела, что там необычно пусто. Елизавета Васильевна уткнулась в какую-то толстую книжку в пестрой обложке и, едва подняв голову, кивнула на дверь:

– На совещании все. Николай Кузьмич чуть не в обмороке прибежал из конторы. Сейчас в кабинете физики совещаются. Даже из дома некоторых вызвал, а вас нигде не нашел, жутко осерчал, так что бегите, Елена Максимовна, со всех ног!

Довольная секретарша откинулась на стуле: меньше двух часов директор совещания не проводил, и в это время она могла вдоволь поболтать по телефону с многочисленными приятельницами, а также почитать очередной любовный роман, которые она глотала, как чайка, не разжевывая...

«Все, теперь раньше пяти не уйдешь, а ведь еще к Страдымовым надо зайти», – с тоской подумала Лена и, захватив из портфеля «Ежедневник», отправилась на учиненное директором аутодафе.

Глава 2

Спускаясь по узкой тропинке, что вела через лес к центру поселка, Лена и Вера чертыхнулись раз по двадцать. Преодолевать крутые спуски в туфлях на высоких каблуках было сущим наказанием, но скинуть их и идти босиком по уже прогретой земле девушки не решались – жаль порвать колготки, а снять их в редком, просматриваемом насквозь сосняке было равносильно подвигу.

О прошедшем собрании они помалкивали, хотя поговорить было о чем и, главное, о ком. Но они решили отложить это приятное занятие до Вериного уютного «лежачка» – так она называла огромный, с множеством подушек диван. Мягкую мебель молодоженам подарили в складчину многочисленные родственники.

– Думаю, так мы будем телепаться до вечера. Говорила же – пойдем по дороге, или Витю-Петю попросили бы подвезти, – недовольно проворчала Верка, в очередной раз снимая туфлю и рассматривая ее. – Все, туфлям как! Вот, смотри, весь каблук ободран, и подошва отстала. – Стоя, как цапля, на одной ноге, она потрясла лодочкой у Лены под носом.

– Господи, Вера, в мастерской тебе в два счета их отремонтируют, – устало отмахнулась от нее Лена. – Вот уже ваш огород. В калитку пойдем или в ворота?

– Ну, нет! Не хватало еще по грядкам скакать. – Верка решительно свернула в сторону, они обогнули огород и подошли к дому. У ворот стоял ярко-оранжевый «жигуленок» Вериных родителей.

Ее отец, Семен Яковлевич Мухин, и мама, Любовь Степановна, работали в поселковой пожарной охране, и поэтому местные острословы немедленно окрестили их новую машину «Пламя любви».

Вообще, как заметила Лена, в поселке были мастаки давать клички и прозвища, да и топонимика отличалась особой выразительностью. Так, старый пруд за поселком после того, как в него свалился принадлежавший мужу Сталины бензовоз и превратил и так небогатый живностью водоем в зловонное, покрытое нефтяной пленкой болото, прозвали «Персидским заливом», а высившееся в центре современное пятиэтажное здание конторы лесхоза – «Собором Василия Блаженного». Бывшего директора за глаза в народе называли Блаженным. Чего скрывать, нрава он был сердитого, а в гневе – бешеного...

Крутой и грязный спуск к сберкассе назывался «Богатые тоже плачут», но особый восторг у Лены вызывали кошачьи и коровьи клички. Коты назывались сплошь Луисами, Хосе и Мейсонами, а коровы Санта-Барбарами, Эстерками и Марианками – весомое доказательство, что такое великое достижение цивилизации, как «мыльная опера», достигло и сибирских просторов!

Вера с мужем и родителями жили в огромном доме, который они года два перестраивали, надстраивали, обкладывали кирпичом. В результате появился второй этаж и мансарда, где и стоял любимый подругами «лежачок».

Оставив на веранде тяжелые портфели и сбросив опостылевшие туфли, подруги попытались прошмыгнуть по лестнице наверх, но не тут-то было. Любовь Степановна, очевидно, не отходила от окна и их маневры пресекла сразу.

– Вы куда это лыжи навести, а обедать?

– Ну что ты, мама? Мы в школе перекусили, до ужина как-нибудь доживем! – запричитала Верка. – У нас дела неотложные...

– Знаю я ваши перекусы и дела: опять про свою школу приметесь болтать. И не надоело вам? – Любовь Степановна открыла окно в огород и крикнула:

– Отец, Саша, заканчивайте с картошкой, борщ стынет!

Девушки покорно вслед за мужчинами помыли руки, и вскоре дружная компания уселась за круглым столом на веранде. На вышитой еще Веркиной бабушкой скатерти возвышалась супница, исходившая аппетитным запахом, а также несколько тарелочек с полосками-флажками копченой грудинки и прозрачными розовыми шматочками сала. Рядом примостилось блюдо с салатом из свежих огурцов и помидоров, которые выращивали в своих теплицах братья Саши. Все это великолепие довершала гора вкуснейших пирогов с яблоками и изюмом, лучше которых Лена ничего в своей жизни не пробовала.

Да, поесть много и вкусно Мухины—Шнайдеры любили. К счастью, эта любовь снабдила их только здоровым цветом лица, а исключительная живость характеров сжигала все лишние калории. В итоге все семейство вид имело поджарый, стройный и весьма симпатичный... Лена любила бывать в этой семье, в которой напрочь отсутствовали ссоры и дразги.

Саша, белобрысый и голубоглазый, под два метра ростом добродушный немец, появился в Привольном за год до Лены. Он успешно окончил торговый институт и уже имел в поселке два магазина.

Многих поселковых девиц на выданье он очаровал мгновенно, но в жены выбрал Верку Мухину – девушку, может быть, и не самую красивую, но высокую, себе под стать, с острым языком и неумемной энергией, которую он быстро научился укрощать и использовать в мирных целях.

Полгода ухаживаний вылились в грандиозную, даже по поселковым меркам, свадьбу. Целую неделю почти триста человек ели, пили, пели под аккомпанемент шести баянов и гармошки, основательно подорвав тем самым трудовые показатели не только в поселке, но и в районе. Выйдя замуж, Верка расцвела в одночасье. Необычайно похорошевшая, она светилась от счастья. Оно нет-нет да и переплескивало через край, и тогда, сидя на заветном «лежачке», она приоткрывала занавесы над некоторыми тайнами своей семейной жизни. По ее словам, отношения молодых в спальне были восхитительны. Флегматичный Санек в постели показывал такие чудеса мужской доблести, что снискал неувядаемую любовь и нежность молодой жены.

– Знаешь, он меня по руке гладит, а я уже готова с ним хоть посреди улицы лечь. – Глядя на Лену затуманенным взором, Верка смущенно улыбалась. – В самые острые моменты, понимаешь, какие, с головой в подушку зарываюсь, а однажды так заорала – всех кур переположила в курятнике. Смотрю утром, маманя меня так пристально, осторожно осматривает: вдруг Санька меня по ночам лупцует. И смех, и грех! – Она перевела дух. – А у меня синяки только вот где! – И Верка горделиво распахнула блузку.

Чуть повыше кружевного края лифчика на пышной груди красовался внушительный багровый синяк, оставленный в запале губами молодого мужа...

Лена в душе немного завидовала подружке. Все воспоминания о Сергее и проведенных с ним недолгих днях и ночах заканчивались одним: перед глазами вставала черная яма, куда опускали обитый красным гроб, и салют из автоматов. А затем ее поглотила черная пустота и продержала на больничной койке более месяца. Нервное потрясение, пережитое во время похорон мужа, порой давало о себе знать чрезмерной усталостью, сухостью во рту и тошнотой.

Но самое удивительное – за все четыре года, которые прошли с того страшного дня, Сережа ни разу ей не приснился. А в воспоминаниях лицо его постепенно смазывалось, затускевывалось. Лена стала забывать его голос, а ведь в первое время в каждом молодом статном мужчине она видела мужа, порой пугалась до слез, когда что-то знакомое чудилось ей вдруг в повороте головы, развороте плеч или походке. Каждый вечер, ложась спать, она долго смотрела на большую цветную фотографию – отец снял их на Красной площади в тот день, когда Сереже вручили звездочку Героя.

На снимке осенний ветер растрепал им волосы. Обнявшись, они от души смеялись. Безоглядное счастье на собственном лице, ушедшее вместе с любимым, вызывало у Лены страш-

ную горечь, иногда она молча плакала. И все же Сережа уходил, уходил от нее, и время засло-няло от нее его голос, слова, запахи...

Поначалу мать и бабушка попрятали все фотографии Сережи, поскольку каждый взгляд на них вызывал у Лены припадок отчаяния. Плакать она больше не могла, а только, обхва-тив голову руками, глухо стонала, раскачиваясь из стороны в сторону. Эту самую удачную их фотографию она решила повесить в новом доме, и никто пока ее не видел, даже Верка.

Громкий смех подруги отвлек Лену от грустных размышлений.

– Чего задумалась? Смотри, ложкой в ухо попадешь! Жалеешь, что в трудовой лагерь не поедем, так нам же лучше: в отпуск раньше отправят.

– Неужели Киселев вам замену нашел? – Любовь Степановна придвинула поближе к ним блюдо с пирогами. – И очень хорошо, а то слыханное ли дело, каждое лето в тайге пропадать? Другие к морю едут, за границу. Сам небось в прошлом году в Турцию мотался, а девчонок на съедение комарам да паутам¹ посылает! Совсем стыд потерял!

– Успокойся, мама! – Вера откусила пирожок. – Понимаешь, стране без нас с Ленкой не обойтись! Если прикажут, грудью на амбразуру ляжем!

– Хватит языком чесать, Веруха. – Семен Яковлевич откинулся на спинку стула. – По глазам вижу, что не терпится новостями поделиться.

– Да новости одни и те же. – Дочь махнула рукой. – Был сегодня наш Николя в конторе. Новый директор местную знать собирал на раздолбон. Ну, наш-то да главврач больше помал-кивали, до школы и больницы этот тип обещал только через неделю добаться, а по всем служ-бам прошелся горячим утюгом. – Вера отхлебнула чаю. – Досталось и поселковой администра-ции, и коммунальщикам... Представляешь, мама, – она весело посмотрела на мать, – теперь будешь не просто нашу Рамону за ворота выгонять, а провожать до стада, да еще в ведерочко совочком ее лепешки подбирать. А то, как выразился уважаемый товарищ Пришибеев, весь поселок заср... Наши «мамки» чуть со стульев не попадали, когда такое услышали. Вообра-жаю их с ведерками и совками, и как они подбирают коровье дерьмо! – Верка согнулась от смеха. – Это Зое Викторовне-то, с ее животом, каждое утро поклоны отбивать! А может, все к лучшему, похудеет слегка. – Она оглядела молча слушающих ее родственников. – Если верить Киселю, новый директор хуже Пиночета. Правда, с одной стороны, Фаине комплиментов наго-ворил, хотя она и соврет – недорого возьмет, а с другой – Зотову из администрации поставил по стойке «смирно» и чистил так, что она даже слова в свою защиту не успела сказать, а затем посадил на место, как последнюю двоечницу.

– Допустим, не все так плохо, как вы представляете, – включился в разговор Мухин-старший, подливая себе чайку. – Я на совещании тоже был, и Алексей Михайлович мне понра-вился. За короткий срок он о проблемах поселка больше узнал, чем ваша Зотова и поселковые начальники, вместе взятые. А Зотиха отделалась малой кровью. Я бы за ту грязь и хлам, что около домов лежат и по всему поселку валяются, давно бы ей под зад коленом дал и не погля-дел бы, что женщина. Сроду их на месте не найдешь. За паршивой бумажкой неделю ходить приходится! – Семен Яковлевич сердито пристукнул по столу кулаком. – Они большие люби-тельница по Сашкиным магазинам рейды проводить, а наши предписания не выполняются: дворы захламлены, в палисадниках все цветы повывели, завалили брусом, досками, кирпичом. Не дай бог пожар, да еще с ветром, полпоселка махом выгорит!..

– Ну все! Папуля оседлал любимого конька. – Вера, ища сочувствия, повернулась к Лене. – Хлебом не корми, дай позаниматься пожарной пропагандой! – И тут же обхватила отца за шею, заглянула в лицо. – Лучше скажи, какой этот директор из себя, говорят, – она много-значительно покосилась на подругу, – ладный такой да видный?

– Верка, постыдись, – сурово одернула ее мать, – замужем, поди!

¹ Пауты – таежные кровососущие мухи очень большого размера.

– Да я для Лены кадры подыскиваю, моя-то уже песенка спета! – Она озорно глянула на мужа. – Что-то мой Санек сегодня приуныл, голову повесил, или до твоей коммерции начальство тоже добирается?

Лена вдруг заметила, как сердито дернулись Сашины губы, а безмятежно-голубые глаза потемнели.

– Так вы поедете в лагерь или нет? А то начнешь про одно, а съедешь, как всегда, на другое, – упрекнул он жену.

– Да о чем тут еще говорить? Радуйся, Сашуля, в отпуск меня в июне отпускают, так что, хочешь не хочешь, а в круиз мы с тобой поедem. Деньги готовы, дорогой! Хочу себе шубу в Греции купить.

– Какая тебе шуба? – прикрикнула на нее мать. – Не для наших они морозов. Только деньги изведешь! Говори толком, почему в лагерь не поедете!

– Отстань, мать, от нее, лучше я расскажу. – Семен Яковлевич пристроился с сигаретой на порожке веранды. – Из края указание пришло: в этом году ребяташек в тайгу не отправлять, участились нападения на пастухов. На прошлой неделе, говорят, на трассе несколько «КамАЗов» остановили, обчистили вплоть до колес, водителей избили. Один в реанимации, до сих пор в сознание не пришел.

– Что же такое происходит? Раньше мы к соседям свободно ездили, они к нам, никто никому не мешал... А сейчас грабежи, убийства, скот угоняют. – Любовь Степановна с грустью посмотрела на мужа. – Помнишь, сколько раз на озера целебные ездили, красота там неописуемая! И никто ни на кого ни обижался.

– Что говорить, теперь у них своя республика, своя власть, а вернее, вообще никакой власти. Всех славян поразогнали, производство стоит, хлеб растить некому. Говорят, конопля у них забористая растет, почище киргизского «чарса». Так летом они как на покос выходят, все наркоманы к ним слетаются на заготовку «плана» и анаши. Наркота оттуда по всей Сибири расходуется, никакие кордоны не помогают. А пока конопля не зацвела, разбоями занимаются на тракте и в тайге. Они как привыкли: трубку в зубы, на коня – и айда! А есть и пить на что-то надо! Ведь до чего додумались: на вертолете за оленями и сохатыми гоняются. Стреляют с борта, потом садятся, быстренько тушу разделявают, лучшее мясо забирают, а остальное на поживу волкам да медведям! – Мухин сердито смял окурочек, с силой вдавил его в пепельницу. – Директор новый, Ковалев, пытался выяснить у их властей, кому вертолет принадлежит, – ни черта! Хихикают, водкой норовят напоить, а как разговор о деле заходит, словно и не слышат или делают вид, что не понимают. Он им пригрозил, что в следующий раз будет стрелять на поражение, так теперь, словно кто-то их предупреждает, обязательно на том участке появятся, где Ковалев накануне был, и пакостят по-прежнему. И не опередишь их никак! Лесхозовский вертолет больше топлива жрет, чем летает, а военные такие миллионы запросили, что вовек не рассчитаешься. Я вот думаю, как они еще до биостанции не добрались, до марального питомника. Скоро панты созреют, за них можно приличную сумму выручить.

– Морока это, – включился в разговор Саша, – панты с большой охраной везут, а в этом году милицию пригласили в самый сезон питомник охранять.

– Этак скоро милиция и черемшу, и папоротник вместо нас собирать будет! – вмешалась Любовь Степановна. – Виданное ли дело в своей тайге с оглядкой ходить, каждого куста бояться? Помнишь, отец, как с ребятами лет с десяти-двенадцати сначала до озера Карахоль доходили, а потом и дальше, до самой биостанции добирались, в шалашах ночевали, рыбу ловили, хлебом с солью да черемшой закусывали, и хоть бы кто нас обидел. Наоборот, бывало, еще домой на телеге подбросят.

Незаметно, с чаем и вареньем, подъели симпатичную горку пирожков, мужчины ушли по своим делам, а Лена засобиравшись домой.

– Слушай, подруга, бери-ка ты мой велосипед, не хватало еще по нашим колдобинам в темноте на каблуках разгуливать. – Вера протянула Лене свои кроссовки. – Они, конечно, тебе великоваты, но не на танцы идешь, до дома доберешься, не снимут.

– Ой, мне же еще к Страдымовым надо! – спохватилась Лена.

– А туда, девка, не суйся, – предупредила ее Любовь Степановна. – Не слышали разве? Филька их из заключения вернулся. Сегодня мы с Яковлевичем едем, видим, старый две авоськи бутылок прет. Сейчас самая гульба у них идет: дым до потолка и мат на мате... – Она сокрушенно покачала головой. – Ну все, Лена, пропал твой Ильюшка совсем, и так тюрьма по нему скучает, а тут братец быстро его к рукам приберет. Сам-то с двенадцати лет по колониям мотался, младший хоть до шестнадцати задержался, – посетовала женщина. – Зря ты, Лена, его отстояла, когда он соседский мотоцикл на запчасти разобрал. Благодарности никакой, только одни неприятности себе нажила. Позавчера, говорят, в Веселых Ключах избу обчистили. Вещи не взяли, а вот копченые окорока, две сотни яиц и сала соленого ящик как корова языком слизнула. Я на месте участкового сейчас бы на гулянке побывала: точно ворованным салом там закусывают.

– Это ты, мама, брось! – одернула Верка мать. – Ильюшка на механизмах разных помешан. Нужно ему твое сало. Скорее всего, там местные бичи постарались.

– Ну защищай, защищай, мало ты от него плакала, – проворчала Любовь Степановна и, подхватив тяжелый таз с чистой посудой, ушла в дом.

Вера помогла Лене вывести велосипед за ворота.

Стемнело. Серп молодой луны повис над лесом. Над рекой легли тонкие полоски ночного тумана. Тишину и покой деревенского вечера изредка нарушали посвисты какой-то ночной птицы да хриплый брех собак. Где-то недалеко, видно, у Дома культуры, звучала музыка, повизгивали девчонки – танцы были в самом разгаре.

– Ну езжай. – Вера легко подтолкнула ее в спину. – Так и не дали нам поговорить. Завтра я к тебе пораньше с утра приду, часов в девять. Новости обсудим, порядок в доме наведем. Ты там поосторожнее, у него руль тугой! – крикнула она вслед подруге и, сладко зевнув, вернулась в распахнутые двери родного дома.

Ездить по слабо освещенным улицам поселка на велосипеде Лене еще не приходилось, к тому же мешал портфель, который они с Верой прикрепили к багажнику. Но с горем пополам, чуть не потеряв с ног кроссовки, она очутилась перед последним препятствием на своем пути: узким переулком имени мексиканского сериала. Пришлось спрыгнуть с велосипеда. Кроме крутизны и множества кочек, переулок славился еще и тем, что дважды в сутки по нему шествовало поселковое стадо упитанных буренок, щедро покрывая улочку отходами своей жизнедеятельности. Днем еще можно было пройти здесь без существенного ущерба для обуви, но с каждой минутой становилось все темнее, и белым Вериним кроссовкам предстояло серьезное испытание.

К удивлению Лены, переулок они с велосипедом миновали благополучно: ни разу не споткнулись, не поскользнулись, и, судя по запаху, материальные потери тоже были незначительными. В самом конце спуска стояла изба Страдымовых. Во времянке, выходящей окнами в переулок, света не было. Но вряд ли Илья отправился спать пораньше. Верно, сейчас он в компании пьяных родственников. Как бы еще не напоили парня, забеспокоилась Лена.

Раньше этого за ним не замечалось, но чем черт не шутит...

Лена мальчишку жалела, даже подкармливала, но с его нежеланием учиться и склонностью прибрать к рукам все, что плохо лежит, ничего не могла поделать.

Выйдя из переулка, Лена заметила, что на бревнах, лежащих у дома Страдымовых с незапамятных времен, кто-то сидит: в темноте горели три или четыре огонька сигарет.

– Илья, – окликнула она, – ты здесь?

По метнувшейся в калитку фигуре Лена поняла, что голос ее узнали, и теперь юный Страдымов огородами пытается уйти в темноту, чтобы избежать выяснения отношений с классной руководительницей.

– Кто эта дама, что моим братом интересуется, а он резвее зайца от нее по грядкам скачет? – услышала она незнакомый басистый голос.

Три мужика лениво поднялись с бревен и, не выпуская сигарет изо рта, молча окружили Лену.

По запаху спиртного она почувствовала: парни изрядно нагузились, и по тому, как они молча напирала на нее, поняла – неприятностей не избежать.

Один из них, высокий, с короткой стрижкой, перехватив одной рукой руль велосипеда, другой облапил Лену, больно смяв ей грудь. Во рту мелькнула фикса, и по татуировке на руках она решила, что это и есть Филипп. Одновременно двое других начали обходить ее сзади. Мгновенно среагировав, Лена с силой бросила велосипед на Филиппа, тот отпрянул от неожиданности, но запутался ногой в раме и повалился на землю. Моментально развернувшись, Лена носком кроссовки пнула по голени противника слева и тут же в развороте нанесла сильнейший удар ногой парню справа.

Истошный вопль и трехэтажный мат поведали всполошившимся соседям, что два противника из борьбы выбыли. Но Филипп оставался серьезной угрозой, и Лена застыла в боевой стойке, ожидая нападения. Противник, тяжело дыша и зажав в руке нож, подходил к ней, широко разведя руки.

Упреждая бросок нападающего, Лена ногой выбила у него из руки нож и что было сил ударила его кулаком в лицо. И, видно, попала в нос. Филиппа отбросило к забору, но в это время очухался бандит, получивший удар по голени. И если бы не Илья, который выскочил из темноты и заслонил ее собой, ей бы несдобровать.

– Вы че, в натуре, с ума посходили? Это же моя классная, Елена Максимовна! – заорал он во все горло.

Ошалевший от боли Филипп, вытирая кровь, обильно текущую из разбитого носа и губ, яростно просипел:

– Ну, шалава, скажи спасибо пацану, живой бы отсюда не ушла. Мы же только познакомиться хотели...

– Я такие знакомства не признаю и реагирую на них однозначно, – сухо ответила девушка. – Тебе помочь? – обратилась она к одному из парней.

Держась за низ живота, он тихо, по-щенячьи повизгивая, прислонился к забору.

Илья помог Лене поднять велосипед.

– Елена Максимовна, простите Филиппа. Пьяный он, дурной. В милицию только не сообщайте, а то опять заберут.

– Ладно, чего уж там! Веди его домой, пока соседи участкового не вызвали.

– Да они привычные, у нас часто драки, не позовут!

Лена кивнула мальчику на прощание и, теперь уже по асфальту, покатила к своему дому.

Филипп и Илья долго еще сидели на бревнах, курили и о чем-то тихо разговаривали. Филипп снял окровавленную рубашку, ночной ветерок приятно охлаждал разгоряченное тело, а парень все не мог прийти в себя от встречи с женщиной, которая шутя разделалась с двумя «быками» и с ним, никогда и никому в своей жизни спуску не дававшим.

Ну ничего, подумал он злорадно, встретятся еще при свете дня, посмотрит он в глаза этой залетной пташке, что тогда она запоет. Парней она серьезно озаботила: такой позор от девки перенести! Теперь не успокоятся, пока счеты не сведут. Филипп со злорадством представил, как они волокут эту бешеную бабу в лес и... Но тут вдруг вспомнил огромные глаза, темные растрепавшиеся волосы, закушенную губу: все, что он успел заметить в свете лампочки, тускло светившей под отцовской крышей. И ему абсолютно неожиданно вдруг захотелось, чтобы эти

глаза посмотрели на него без ненависти, сведенные губы раскрылись в улыбке, ласково прошептали его имя...

– Филька, в понедельник надо перед Еленой извиниться, – прервал его мысли братишка. – Она тетка что надо! В прошлом году меня от колонии спасла и сегодня пообещала в милицию не звонить. Будь другом, братан, спровадь завтра своих бугаев. Дома поживешь, отдохнешь немного, вон, как кашляешь. Я тебя медом полечу. На днях трехлитровую банку на пасеке заработал.

– Эх, Илька, Илька, золотой ты у меня пацан, – произнес тоскливо Филипп. – Конечно, это водка мне глаза залила, но и она тоже хороша, сразу в харю, и бьет, как спецназ.

– Знаешь, я и сам удивился. Ты ее рассмотрел? – Илья с надеждой посмотрел на брата. – Увидишь, она тебе понравится. Ей все девчонки завидуют. Тоненькая, красивенькая, прямо фотомоделка. И не обзывается никогда, как другие учителя. Даже не подумаешь, что дерется, как Ван Дамм. Завтра пацанам расскажу, не поверят!

– Лишний раз языком не болтай, братишка! – остудил его пыл Филипп. – И при встрече с ней молчи, как будто ничего не случилось. В понедельник я, так и быть, поговорю с ней.

И оба брата, обнявшись за плечи, отправились спать в Ильюшкину времянку.

Глава 3

В любое время года Лена привыкла просыпаться в пять часов утра. В прошлом она эти утренние часы отводила работе над очередной статьей. Материалы, написанные на свежую голову и пустой желудок, получались яркими, нетрадиционными по теме и духу. Изящные по стилю, с тонкой иронией, ее статьи нашли своего читателя. В одном из своих посланий отец сообщил, что нет-нет да и появится в редакции письмо с вопросом: куда исчезла интересная молодая журналистка Елена Максимова? Под этим псевдонимом она печаталась в газете, потому что фамилии отца и мужа слишком уж были на слуху.

Часто вечерами, лежа в постели, она вспоминала свою работу в молодежной газете как череду шумных, суетливых дней, ежедневную редакционную сумятицу. Бесконечные командировки, ругань редакторов и споры за традиционной чашечкой кофе, а то и стаканом вина с неизменной банкой рыбных консервов на закуску. Лена очень любила эти часы, когда очередной номер газеты подписан в печать и можно немножко расслабиться, поболтать о чем-то отвлеченном, возвышенно-нереальном...

Много курили, используя зачастую чайные чашки вместо пепельниц. Стульев не хватало, поэтому усаживались прямо на пол, откуда-то появлялась гитара, и до поздней ночи звучали песни о войне и про любовь, вспоминали командировки на Кавказ, особенно в Чечню.

Кое-кто из журналистской братии уже не раз и не два побывал там, а Виталия Якубовского, симпатягу и хохотуна, одного из лучших фотокорреспондентов газеты, привезли домой в цинковом гробу.

Был – и нет человека, только на стене осталась большая фотография мужчины в камуфляже, запяленного до неузнаваемости и в обнимку с таким же грязным и усталым десантником, которая напоминала всей редакционной братии, что жил на белом свете такой веселый и славный парень – Виталька Якубовский.

Его жену, милую, черноглазую Галину, оставшуюся с годовалым Яшкой на руках, опекала вся редакция.

Вскоре она уже работала машинисткой в техническом отделе, а Яшке нашли няньку в лице одной из ушедших на пенсию корректорш. Маленькая, хрупкая Галина никогда ни на что не жаловалась. На небольшую пенсию и свою мизерную зарплату выживала, как могла. А Яшка – всеобщий любимец и баловень – постепенно становился настолько похожим на Витальку, что старейший фотокорреспондент газеты Петр Кириллович Глазьев на своем лучшем фотоаппарате поклялся сделать из паренька классного фотографа. Лена с Галиной никогда не были в особо приятельских отношениях, да и по работе редко сталкивались, но именно Галя первой оказалась рядом с Леной, когда та получила сообщение о гибели Сережи. Галя позвонила на телевидение и добилась, чтобы отца Лены отозвали из Таджикистана, где он готовил очередную серию телерепортажей о российских пограничниках.

Она успокаивала Лениных отца и мать, страшно переживавших смерть зятя и страдавших за дочь, впавшую в состояние прострации и ни на что не реагирующую.

Лена отказывалась пить и есть, сидела у гроба мужа с почерневшим, осунувшимся лицом. И когда никакие уговоры не помогали, Галина чуть ли не силком уводила в соседнюю комнату то мать, то дочь и по очереди отпаивала их сердечными каплями и крепким черным кофе...

Лена рывком поднялась с постели. Видно, вчерашние передраги дали о себе знать. На часах уже почти шесть, а она еще нежится под одеялом. Стоит только немного расслабиться, и сразу тяжелые мысли лезут в голову, оставляя неприятный осадок на весь день. Правда, вечерняя драка вспоминалась смутно, будто все произошло не с ней, а с другим человеком в другом мире.

Вчера после встречи с Филиппом и его друзьями она спокойно доехала на велосипеде до дома, но не сразу вошла во двор, а выпустила на улицу соскучившегося по воле Рогдая – большую сибирскую лайку, которую еще щенком подарили ей Мухины. Дождалась, пока он досыта набегается по обширной лужайке перед домом, делает все свои собачьи дела в укромном уголке. Во дворе это ему под угрозой трепки категорически запрещалось. Завела во двор велосипед, поставила его под навес и спокойно отправилась в дом. Приняла душ, по привычке включила телевизор, выпила на ночь стаканчик простокваши, посмотрела вечерние новости и легла спать. Спала крепко, не просыпаясь и без сновидений.

Девушка не ведала, что Илья всю ночь прикладывал Филиппу холодные компрессы, чтобы хоть как-то уменьшить синяки под глазами. Его приятели, не дождавшись первого утреннего автобуса, уехали на попутке в район, глухо матерясь и проклиная белый свет.

И вздумай вдруг участковый расспросить очевидцев об их особых приметах, то бабка Лушка, по кличке Сыроежка, собиравшая ранним утром пивные бутылки в сквере у Дома культуры, объяснила бы ему, что один из них заметно хромотал, а другой шел, широко расставляя ноги и придерживая рукой мотню штанов. Но бабку никто расспрашивать не собирался, так как оба уркагана за помощью к ментам, по известной причине, не обратились, а решили поутру смыться, чтобы самих не замели куда следует.

В тот самый момент, когда бабка Лушка, оттерев последнюю бутылку от пыли ветхим грязным фартуком, проводила взглядом грузовик с двумя скукожившимися приятелями Филиппа, Лена надела шорты и длинную футболку с надписью «Kiss me sweetly, my love»,² выпустила Рогдая и отправилась на свою обычную утреннюю пробежку.

Дом ее стоял на самой окраине поселка, на вершине холма. Напротив, тоже на холме, располагалась школа, а внизу, в долине, и по склонам холмов лежал поселок Привольный.

Утренний туман клубами опустился на дома, огороды и реку Казыгаш, которая разрезала поселок на две части и уходила на встречу с великой сибирской рекой. С юго-востока над поселком возвышался голец – горная вершина, лишенная растительности: Бяшка. С одной стороны он напоминал огромный коренной зуб какого-то доисторического животного, а с другой – голову горного козла с двумя каменными выступами-рогами, отчего и получил свое название. В скальных кулуарах гольца даже в самое жаркое лето лежали островки снега, а за ним, километрах в пяти от поселка, располагалось большое моренное озеро, любимое место отдыха всех привольчан и многочисленных туристов. Одно время его окрестности едва не превратились в мусорную свалку. Покойный директор Боровский своей монаршей волей запретил массовые гулянья и туристические маршруты без специального разрешения. С тех пор у озера были оборудованы места для отдыха.

Сторож, бывший сержант милиции Рябов, исправно собирал плату за пользование красотами сибирской природы. За исключительно богатый опыт в применении горячительных напитков по их прямому назначению, то есть с целью обогрева и смазки изношенных частей своего выдавшего виды организма, старик получил прозвище Абсолют, которым гордился и охотно на него откликался.

Самой изношенной частью, по мнению Абсолюта, у него было горло, которому доставалась большая часть ночных возлияний сторожа при озере. Несколько оставшихся капель он любил демонстративно вылить на ладонь и, задрав рубаху, протереть поясницу: она была второй по степени изношенности деталью организма отставного сержанта Рябова.

– Да, глотка у меня нынче совсем не та. Раньше, бывало, рявкнешь: «Шаг влево, шаг вправо – стреляю без предупреждения!» – и тишина. Идут себе в колонне, дыхнуть боятся: а вдруг осерчаю. Сейчас орешь день-деньской, а порядку никакого. Видно, исчерпал я свои жизненные ресурсы, – горестно вздыхал вечером у костра ветеран милиции, прижимая к груди

² «Поцелуй меня сладко, моя любовь» (англ.).

очередную, презентованную туристами фляжку. – Теперь люди пошли непугливые, неуважительные и нескромные. Все хотят получить сразу, лезут напролом, кровушку проливают почем зря, – жаловался старик, глядя в пламя костра помутневшими от воспоминаний глазами. Туристы его не слушали, целовались, рассказывали анекдоты, пили вино и тихо напевали старые, не вчера придуманные песни...

Сейчас время туристов еще не подошло. Ночи стояли холодные, а в горах зачастую выпадал снег, и шли нудные затяжные дожди. Сезон туристов наступит позже, ближе к июлю. Поэтому можно не опасаться, что на тропе, проложенной вокруг озера, встретишь незнакомых. Не все отдыхающие ведут себя по-джентльменски, увидев в тайге одинокую красивую девушку.

Пару раз Лене не без помощи Рогдая пришлось отбивать атаки подвыпивших приезжих. Поэтому летом, в самый наплыв туристов, она обычно бегала в противоположном направлении, вдоль реки, хотя маршрут там был не такой удобный. Кое-где тропа пересекала курумники – россыпи камней и покрытые толстым слоем мха пустоши.

С собой Лена прихватила пару банок пива для старика и несколько кусочков сахара, чтобы побаловать своего любимца мерина Гнедка. Она уже неделю не видела Абсолюта. С раннего утра он обходил свои владения, приводил в порядок места стоянок, обустроивал кострища, развозил на старом мерине огромные мусорные баки, любовно разрисованные березками и мухоморами. С буквами у него получалось похуже, но надписи вроде:

«Мусор наш первейший враг,
Спрячь его скорее в бак!» —

были хоть и кривоватыми, зато виднелись издалека.

В прошлом году Лена со своим классом отдыхала на озере. Дежурные вывалили в бак ведро картофельных очисток прямо на голову местному бомжу. Оказывается, собирая пивные бутылки, которые в народе любовно прозвали «чебурашками», и успешно сдавая их в местные магазины, бичи распределили между собой баки и добывали себе на жизнь, ныряя туда и обратно после очередного поступления отходов.

Итак, время туристов и бичей еще не наступило. Воздух был упоительно чист, молодая листва не успела потемнеть, только что взошедшее солнце едва согревало воздух, и у бежавших рысцой по утоптанной тропе Лены и Рогдая при дыхании вырывался легкий парок.

С тропы на склоне горы хорошо был виден поселок. По центральной улице двигалось стадо коров. Лена пригляделась: действительно, у многих хозяек в руках вместе с хворостинкой были ведра. Привольчане знали по прежнему опыту, что с начальством лучше не связываться. От директора в поселке зависело слишком многое, и жители, не дожидаясь крутых мер, бросили все силы на борьбу за удаление коровьих лепешек с поселковых улиц.

На огородах там и тут виднелись разноцветные фигурки. Люди вышли посадить картофель пораньше, чтобы успеть до дневной жары. От конторы лесхоза в сторону трассы потянулась цепочка автобусов. Основные плантации картофеля находились в подтаежной зоне, километрах в пятидесяти от Привольного. В дни массовой посадки, прополки или сбора картофеля поселок почти полностью безлюдел. Дома оставались лишь старики, совсем малые дети да такие безлошадные интеллигенты, как Лена, которым вполне хватало пары мешков картошки с приусадебного участка.

Жили привольчане вне зависимости от политических катаклизмов в достатке, так как почти за триста лет потомкам староверов и донских казаков, обживавших когда-то эти дикие, суровые места, в кровь и в пот прочно въелось понимание: в этой жизни нужно полагаться только на собственный ум, крепкие руки и хорошие отношения с соседями.

Выбрав для жизни Привольный словно по наитию, Лена нисколько не была разочарована. Односельчане не плакали, не ныли и не надеялись на помощь государства. Держали коров,

свиной, кур, гектарами выращивали картошку и лук, табак и садовую клубнику. Она вызревала здесь на удивление крупной и ароматной. Нигде в округе не удавалось собирать такие обильные урожаи. В начале июля горожане буквально ломились в Привольный. Самосбором ягода обходилась раза в два, а то и в три дешевле, чем на городских рынках.

Тайга, начинавшаяся сразу за последними домами, давала весомый приварок в кастрюли охотчим до работы привольчанам, и они умело пользовались ее щедротами. Рыба, черемша, папоротник... С наступлением первых теплых дней большинство жителей выходило в тайгу на заготовку припасов. Затем наступала пора ягод, грибов, которых в окрестных лесах хоть косой коси. В сентябре приступали к сбору кедровых орехов, которые потом отправляли в магазины края, а недавно, еще при старом директоре, заключили прямые договоры с некоторыми ближними и дальними городами на поставку таежных деликатесов в свежем, консервированном и копченном виде.

Хороший доход давала пушнина. На долгие четыре-пять зимних месяцев многие мужчины уходили в тайгу, добывали соболя, белку, колонка. За медом с лесхозовской пасеки выстраивались очереди на рынках и в магазинах, а соленый папоротник продавали за валюту в Японию, Китай и даже в Сингапур.

Да, новый директор получил в наследство крепкое, с хорошо организованным и отлаженным производством хозяйство. Вот почему так волновался и гудел поселок: от знаний и деловой хватки нового начальства зависели в первую очередь благосостояние и покой каждого из его жителей.

Но основной заботой привольчан все-таки был маралий заказник. Несколько тысяч гектаров тайги, на которых водилась большая часть поредевшего марального стада Сибири, а кое-где и дикие северные олени, были взяты человеком под защиту. Отстрел животных был категорически запрещен. Часть маралов проживала в огромном, отгороженном от трассы частоколом загоне. Работники биостанции и егеря наблюдали за состоянием животных, подкармливали их в зимнее время, выхаживали родившийся слабым молодняк. Покой маралов нарушался один раз в год: в середине лета созревают панты, наливаются кровью молодые рога оленей. Отпиливают их в специальных станках и повторяют эту неприятную для оленя, но необходимую для человека операцию лет шестнадцать-восемнадцать, пока марал не одряхлеет. Срезанные панты освобождают от кожного покрова, сушат в специальной камере...

Вот этих благородных животных, едва ли не самых совершенных существ на планете, варварски истребляли браконьеры. В прошлом году, случалось, марала убивали только из-за пары пантов, а мясо оставляли нетронутым.

...Озеро вынырнуло из-за небольшого уступа, как всегда, неожиданно. Бяшка навис над ним мрачной громадой отвесных, метров под пятьсот, откосов. Напротив мощные кедровые, пробиваясь сквозь нагромождения огромных валунов, густыми шапками вершин скрывали линию горизонта. Посреди озера возвышался небольшой остров, скорее гигантский обломок скалы, сброшенный страшной силой с гольца. За многие годы он покрылся тонким слоем таежной почвы, зарослями кашкары и бадана. На этом островке и возвышался знаменитый шест сержанта Рябова, на котором он каждое утро торжественно поднимал флаг России.

Метрах в пятидесяти от берега озера, в окружении древних, с длинными седыми лохмами мха-бородача елей, словно порождение сказочной фантазии, стояла избушка Абсолюта. Ее крыша из лиственницы была покрыта толстым слоем пожелтевшей хвои, обломками коры и ветками деревьев, и уже на глазах Лены, года два назад, на ней выросла карликовая березка, распутившая свои мелкие, с копейку, листочки.

Толстые, в два обхвата, бревна, маленькие подслеповатые окошки. Красотой избушка не блистала, но это было прочное и уютное жилище. Огромная русская печь – средоточие жизни в глухое зимнее время... Лена любила посидеть после мороза около ласкового обогревателя, когда живительное тепло словно переливается в тело, наполняя его новыми силами. Подру-

житься с Абсолютом ей помогло умение слушать. Как и большинство одиноких людей, старик любил поговорить, воспоминания о прожитой жизни были бесконечны и порой утомительны из-за множества повторов и отступлений от темы. Тут пригодилась ее журналистская сноровка управлять разговором, а главное, выуживать даже из ничемной болтовни нужную информацию.

Выглянувшее из-за горы и окрасившее Бяшку в розовые тона солнце заставило Лену зажмурить глаза. Полоски легкого тумана скользили над озером, в воде повсюду играл хариус, выбрасывая над поверхностью гибкое серебристое тело в погоне за мошкой или комаром. Флаг был на месте, но лодка у небольшого деревянного причала отсутствовала. Значит, старик уже уплыл на другой берег озера, где и находилось его основное место работы.

Оглядевшись по сторонам, девушка вошла в избушку, двери в ней никогда не запирались.

* * *

– А че мне прятать? – говорил обычно Абсолют. – Ружжо всегда при мне, а если чашки-ложки или подушку в лес сволокут, так это дело наживное. А так запоры увидят, непременно залезут: вдруг там сокровища несметные? Найти ничего не найдут, а со злости напакосят.

Лена потрогала плиту. Она еще не остыла, и наваристые щи в кастрюле тоже были горячими. По многолетней привычке отставной сержант варил обед с большим запасом: а вдруг нагрянут нежданные гости, но обычно хлебал потом щи и кашу целую неделю. Оставив на столе банки с пивом, Лена прихватила в сенках эмалированное ведро. Где-то недалеко в лесу дико заорала кедровка, дробным стуком отзывался трудяга-дятел... Над тайгой занимался чудесный день!

Девушка подошла к загону, где томился от безделья ее старый приятель Гнедко. Мерин охотно смахнул с ее ладони сахар, потянулся, ткнулся в руки большой тяжелой головой. Лена ласково шлепнула его по бархатистым губам:

– Полакомился – и хватит, сладстена!

Окликнув Рогдая, она спустилась по деревянным мосткам к самой воде.

Пес оставил напрасные надежды внезапно атаковать крупных, копошившихся в загоне кур. Пестрые несущки, возбужденно квохча, не сводили с него глаз, и Рогдай недовольно потрусил на берег. Лена, зябко ежась, сбросила одежду и, выхватив из озера ведро воды, не раздумывая, вылила на себя. Охнув, как от ожога, приплясывая на месте от возбуждения, она натянула на себя шорты и футболку, подвязала волосы жгутом из косынки. Весело засмеялась, глядя, как Рогдай, сердито пофыркивая, яростно стряхивает брызги, попавшие на него.

– Ах ты лентяй! – Схватив собаку за мохнатые щеки, она потащила ее к воде. Какое-то время Лена пыталась оттолкнуть юркого пса от берега подальше, но от холодной воды заломило ноги, и девушка поспешила на сушу, стараясь увернуться от метнувшейся следом лайки, извергающей во все стороны водопады ледяных брызг. Бросив взгляд на часы, Лена увидела, что катастрофически опаздывает: до прихода Веры оставалось чуть больше часа...

Сунув ноги в кроссовки, Лена помчалась вверх по склону горы, но звонкий лай Рогдая заставил ее оглянуться. На камне сиротливо белел бюстгальтер, опять она забыла эту важную часть своего туалета.

Чертыхнувшись, Лена вернулась, сунула его в задний карман шортов и устремилась по тропинке домой.

* * *

Рогдай рыскал по кустам, что-то выискивая и периодически кого-то вспугивая. Иногда он выскакивал на тропинку прямо ей под ноги. Удостоверившись, что хозяйка жива-здоровая и

не намерена оставлять его один на один с дикой природой, снова шмыгал в заросли молодого ельника.

После холодного обливания бежалось особенно легко. Лифчик не стеснял грудь, дышалось свободно, а тело горело, как от неумемных ласк умелого любовника.

Тихий скрип веток впереди по курсу она бы и не расслышала, если бы не Рогдай. Он сел у ее ног, потом встал в охотничью стойку, насторожил уши и вытянул голову в сторону шума. Оглянувшись, словно попросил: «Дай команду!»

Но Лена прижала палец к губам и погладила собаку по взъерошенному загривку, чтобы успокоился. Человек шел по тропе, безмятежно насвистывая бодрый мотивчик. По всей видимости, никто ни на кого не собирался нападать. Но тут из-за кустов показалась огромная кавказская овчарка. Рогдай вырвался из рук хозяйки и ринулся изо всех своих немалых собачьих сил на ее защиту. Собаки сцепились в смертельной схватке. Издавая утробные рыки, они катались по земле, превратившись в огромный, визжащий, лохматый пепельно-черный клубок. В стороны летели мох, земля, мелкие камни. На какой-то миг они отскочили в разные стороны, но тут же, злобно ощерясь, опять кинулись друг на друга. Из кустов выбежал мужчина и, схватив тяжелый сук, подскочил к дерущимся псам.

– Что вы делаете! – закричала Лена. – Вы же их покалечите! Хватайте за задние лапы!

Мужчина отбросил палку.

– Знать бы, где тут задние, а где передние!..

Изловчившись, он схватил кавказца за мохнатые ляжки и потянул в сторону. Собака завизжала и отпустила загривок злобно огрызавшегося Рогдая. Лена не успела проделать тот же маневр, и пес мертвой хваткой вцепился в руку незнакомца.

– Что стоишь, корова, хватай его, пока он меня не сожрал!

Мужчина упал на землю, пытаясь ногами отбиться от Рогдая. Лене кое-как удалось оттащить осатаневшего пса от поверженной жертвы.

Собаки наконец-то поняли, что их хозяева не пытаются хватать друг друга за горло, но заняли на всякий случай удобные позиции. Легли, вытянув передние лапы и, тяжело дыша, со свесившимися чуть ли не до земли языками, принялись внимательно наблюдать за развитием событий.

Кровь заливала рану. Незнакомец положил поврежденную руку на камень и пытался остановить кровь носовым платком. Опустившись рядом с ним на колени, Лена сдернула с головы косынку и, коснувшись рукой краев раны, покачала головой.

– Повезло вам. Медведя он отпускает, только когда тот перестанет дышать!

– Дьявол, а не собака, чуть без руки не остался, – проворчал незнакомец и попытался отобрать у Лены косынку, чтобы наложить жгут.

– Рогдай – медвежатник и вашу собаку, очевидно, принял за медведя. Притом она выскочила так неожиданно. – Лена пресекла его попытку и наложила жгут чуть повыше локтя. Кровь перестала течь, но оставлять рану открытой не следовало.

Лена поймала себя на мысли, что до сих пор не разглядела этого человека. По всему видно, что он в поселке недавно и не знает ее. Рука у него была загорелой, мускулистой и покрыта легким, едва заметным темным пушком. Тепло, исходившее от нее, самым непостижимым образом перетекало в ее ладони и распространялось по всему телу.

Подняв голову, девушка взглянула на незнакомца. Он привалился к камню и зажимал рану насквозь промокшим носовым платком. Глаза их встретились, и у Лены перехватило дыхание. Темные волосы и ярко-синие глаза сами по себе могут быть совершенно безобидными, но их комбинация – это просто динамит! Так и в этом случае. Мужчина был потрясюще, просто до неприличия красив! Выразительный рисунок густых черных бровей. Нос, правда, несколько коротковат, но правильной формы, с едва заметной горбинкой. Но главное – губы... Чуть полноватые, резко очерченные, они наводили на мысль о поцелуях, ласковых и страст-

ных одновременно. Лена на миг будто ощутила их прикосновение – легкое, мягкое... почувствовала их сладковатый привкус, свежее дыхание... По мелькнувшей в его глазах искорке она поняла, что он испытывает то же самое: ошеломляющее чувство узнавания, соединения душ на каком-то более высоком, неподвластном их воле уровне.

Лена перевела дух, неосознанно провела кончиком языка по пересохшей верхней губе. Незнакомец легко вскочил на ноги.

– А моя спасительница, оказывается, очень даже симпатичная!

Рогдай приподнялся на лапы, сердито заворчал.

– Ну, зверюга, не трону я твою хозяйку, только кровь смою, – успокоил он собаку.

Ловко перепрыгивая с камня на камень, он спустился к небольшому ручью, громко журчавшему среди листьев медвежьей дудки. Лена сбежала следом.

Незнакомец тщательно смыл кровь, осмотрел руку.

– Ну и клыки у вашего пса! Запросто мог руку оттяпать.

– Извините меня за него. Вообще-то он умница и без команды ни на кого не бросается.

Незнакомец глянул на нее снизу вверх и засмеялся.

Зубы у него были отменными: ровными, белыми, и только клычок слева немного выдавался вперед, что придавало улыбке особое очарование.

– Конечно, мой Флинт тоже не паинька, но обленился, негодяй, за последнее время. Вот я и решил с утра пораньше погонять его, да и себя за компанию, по горам. А тут такой сюрприз – прекрасная незнакомка с псом-медвежатником.

Его взгляд скользнул по Лене. Девушка неожиданно для себя покраснела.

– Не говорите пошлостей. – Она склонилась к его руке. – Рану надо перевязать, чтобы грязь не попала. – Лена попыталась оторвать край от своей футболки, но упругий трикотаж не желал поддаваться, к тому же она вспомнила, что под ней ничего нет, и ступевалась еще больше.

Насмешливо посмотрев на ее зардевшееся лицо, незнакомец снял с себя майку и протянул ее девушке:

– Рвите по шву и перевязывайте.

Лена с трудом оторвала взгляд от его загорелой груди. Без какого-либо намека на следы подкожного жира и, похоже, состоящее из одних мускулов тело совсем не напоминало гору бицепсов и трицепсов, которыми так гордятся современные качки. Все в нем было гармонично. Черные выющиеся волосы на груди, переходившие в тоненькую полоску, которая пряталась за поясом джинсовых шорт, волновали девушку какой-то особой, неприкрытой чувственностью.

Невольно взгляд Лены скользнул ниже... Ноги стройные, тоже мускулистые. Обрезанные выше колен джинсы вызывая обтягивали его ягодицы. Девушка непроизвольно сглотнула и торопливо заговорила, заметив, что он перехватил ее взгляд:

– Тут километра через полтора мой дом, сразу же у тропы. Можете зайти, я вам настоящему перевяжу руку. А потом нужно обратиться в больницу, чтобы сделали укол от столбняка.

– Всегда готов! – Он поднял руку в почти забытом пионерском приветствии. – Ходить в гости – мое самое любимое занятие!

Лена хотела возразить, что в гости его как раз не приглашала, но этот знойный красавец свистнул своему лениво поднымающему псу и первым резво помчался по тропинке, ни разу не оглянувшись. Видимо, он был уверен, что ей ничего не остается, как следовать за ним.

Глава 4

К финишу, калитке Лениного дома, они добрались практически одновременно. Лена обошла соперника на одном из поворотов, срезав путь по едва заметной тропке. Незнакомец поддал пару и догнал ее достаточно быстро. Лена со злорадством отметила легкую испарину у него на лбу, которую он попытался незаметно смахнуть тыльной стороной ладони. Сама она нисколько не устала и, хотя пробежала в это утро около десяти километров, чувствовала себя необыкновенно легко. Сказывались почти ежедневные тренировки. Загнав собак во двор (псы успели обнюхаться и почти подружиться), они поднялись на высокое крыльцо. Перед этим Лена заметила придирчивый взгляд, которым ее нечаянный гость окинул дом и просторную веранду, через которую они прошли в комнаты. Предоставив ему самому устраиваться в гостиной, где все еще стояла нераспакованная мебель, громоздились ящики с книгами, кое-какой посудой и одеждой, Лена поднялась по лестнице на второй этаж. Сняв запачканные кровью шорты и футболку, быстро сполоснула лицо и руки. Переодевшись в светлые джинсы и мягкую клетчатую рубашку, она захватила аптечку и бинты, спустилась вниз.

«Пациент», присев на корточки, самозабвенно рылся в коробке с книгами. Услышав шум шагов, он поднялся с томиком в руках.

– Интересы у вас, надо сказать, не дамские. «История наполеоновских войн», биография Шамиля... Вы что, подпольный военный стратег?

– Нет, я обычный учитель истории. – Лена мягко подтолкнула его к креслу, еще затянутому полиэтиленом. – Приземляйтесь, сейчас я рану обработаю и перевяжу по всем правилам. – Она сноровисто сделала тугую повязку. – В поликлинику вам все-таки придется обратиться, там все сделают более квалифицированно, – посоветовала она гостю. – А это, – она приподняла щепотью окровавленную майку, – по-моему, нужно отправить в мусорное ведро.

– Естественно, – согласился гость, – на память я ее оставлять не собираюсь. – Он обвел взглядом гостиную. – Как я понимаю, где-то тут обитает ваш муж и, очевидно, дети?

– К сожалению, вы ошиблись. Я живу одна.

– Вы не замужем?

– Нет, я вдова. – Она поднялась с кресла. – Какие еще пункты моей анкеты вас интересуют?

Мужчина заметил сердитые искорки в ее глазах, но не смог отвести глаз от очаровательного лица девушки. Нежный овал лица, тонкий нос, волнующе полная верхняя губа и изумительно сексуальная нижняя, которую она сейчас покусывала зубами... Незванный гость ощутил вдруг сильнейшее и вполне понятное волнение, отчего у него внезапно вспотели ладони. Огромные, цвета спелого крыжовника глаза притягивали его и почему-то заставили почувствовать себя неловким юнцом, впервые испытывавшим влечение к женщине. Его тянуло к ней, словно они знали друг друга уже целую вечность. Она была близкой и знакомой, хотя они встретились чуть больше часа назад, и он даже не знал ее имени. Давно, очень давно не испытывал он столь острого желания обнять и поцеловать женщину. Ему показалось, что она переживает то же самое, и непроизвольно, не отводя взгляда, он шагнул к ней. Лена растерянно смотрела ему в глаза, но громкий стук в окно прервал охватившее их наваждение.

Выхватив из коробки полотенце, Лена подала его незнакомцу:

– Тут рядом ванная, можете принять душ.

– Спасибо, – удивленно протянул тот, – а как же повязка?

– В ванной есть длинный непромокаемый рукав с резинкой. Натяните его на рану.

Она поспешила открыть дверь Верке, которая хотя и с небольшим опозданием, но свое слово сдержала. К удивлению Лены, она приехала не одна. От калитки вслед за ней вышагивал Саша с Лениным выдавшим виды портфелем в руках. Она в пылу вчерашнего сражения совсем

забыла о нем и, очевидно, оставила его у дома Страдымовых. Но как же портфель оказался у Шнайдеров?

– Ну, ты, Елена, даешь! – Верка, скинув босоножки, босиком прошлепала на кухню. – Вари кофе, пока я тебя ругать буду! – Но тут же оттолкнула подругу, налила холодной воды в кофеварку, включила ее в сеть и посмотрела на мужа. – Ты езжай, мы тут без тебя разберемся! – Она выхватила из рук Саши портфель и водрузила его на стол. – Не бойся, я все отмыла, а то, когда его Ильюшка принес, он по самую ручку в коровьем дерьме был. – Верка пристроилась верхом на табуретке. – Рассказывай, мать, с кем вчера воевала? Илья окончательно говорить разучился. Я спрашиваю, а он глаза вытарашил и одно твердит: «Елена Максимовна ему ногой в морду – раз!» – и портфель мне в руки сует. Я Сашке рассказала, он расвирепел до невменяемости. Сели в машину – и к Страдымовым. А там Филя с опухшей рожей и фингалами под глазами. С похмелья еле языком ворочает. – Вера перевела дух. – Ты что, его за братовы двойки отлупила или он в пьяном угаре забор поцеловал? – Внезапно Верка округлила глаза и открыла от удивления рот. – А это еще что за скелет в шкафу?

Незнакомец стоял в дверном проеме. Пригладив закурчавившиеся от воды волосы, он шагнул на кухню, протянул Верке руку.

– Очевидно, настало время представиться: Алексей. – Потом, глядя на ее ошалевшее от неожиданности лицо, добавил:

– Михайлович.

Верка, неловко пожав протянутую ладонь, прошептала:

– Вера, то есть Семеновна, Мухина, то есть Шнайдер.

– Что-то я насчет скелета ничего не понял, – улыбнулся Алексей.

– Это английская поговорка о семейных тайнах, дескать, у каждого есть свои секреты, – пояснила Лена.

Алексей повернулся к ней:

– Мы с вами почти два часа общаемся, а я так и не удостоился чести узнать ваше имя.

– Елена Максимовна Гангут, русская, несудимая, образование высшее...

– Что ж, информация обнадеживающая, но не исчерпывающая. – Новый знакомый нахально сверкнул зубами и шутливо поднес ладонь к виску. – Честь имею! Приятное знакомство состоялось, и надеюсь, на этом оно не закончится. – Он взглянул на часы. – Однако пришло время ненадолго расстаться. – Склонившись к Лениной руке, на мгновение прижался к ней губами. – Спасибо за помощь!

Подруги через окно кухни наблюдали, как Алексей позвал Флинта, который окончательно освоился в чужом дворе и успел даже выкопать приличных размеров яму, где они возлежали на пару с Рогдаем.

Мужчина и пес перебежали через дорогу и скрылись в соседнем доме. Этот дом, внешне близнец Лениного, возвышался напротив ее окон и был еще не заселен. Алексей тем временем успел открыть окно на втором этаже и, очевидно, уверенный, что подруги не спускают с него глаз, весело помахал им рукой.

Верка наконец-то обрела дар речи:

– Ну, Ленка, ты даешь! Тебя ж ни на минуту нельзя оставить одну. Где ты этого красавчика откопала?

Пришлось отчитываться по полной программе, и только автомобильный сигнал под окном отвлек их от оживленной дискуссии по поводу случившихся событий.

– Ой, Санек вернулся! – охнула Верка. – Ты смотри, мы уже больше часа болтаем!

Она выбежала навстречу мужу и через несколько минут вернулась с большой коробкой в руках. Саша следом внес тяжелую спортивную сумку.

За это время Лена смогла перевести дух. Напряжение, охватившее ее с момента встречи с Алексеем, постепенно отпустило. Помогая раскладывать по полкам холодильника привезен-

ные для новоселья продукты, Верка весело тараторила, озорно поглядывая на мужа. Саша, покончив с обязанностями грузчика, откупорил банку пива и удобно расположился в углу кухни.

– Ты представляешь, Сашуня, – Вера кивнула в сторону Лены, разворачивающей очередной сверток, – эта дама вчера вечером, оказывается, уложила трех бугаев, а у самой – ни царапины. Тебя, Ленка, определенно в киллеры готовили!

Саша отставил банку в сторону, рот у него повело судорогой. Обычно добродушное лицо исказила неприятная гримаса, а в глазах сверкнул такой неприкрытый гнев, что девушки замолчали и уставились на него.

– Лена, это серьезно? Я от Филиппа пытался хоть чего-то добиться, а он только мычит и за голову хватается. Неужели это ты его так отделала? – спросил он встревоженно.

– Да бросьте вы! – Лена нахмурилась. – Много шума из ничего. Пара простейших приемов самообороны, о них можно в любой книжке прочитать.

– Сколько их было? – Саша нервно ходил по кухне. – Что им было нужно?

– Просто выпили, вот и принялись искать приключений...

– Они хотели тебя изнасиловать? – Саша больно сжал ее плечо.

– Отпусти, у тебя пальцы, как тиски. – Лена потерла плечо. – Не думаю, чтобы до этого дошло. Это ведь не в городской подворотне...

– Ты удивительно легкомысленная особа! Неужели не понятно? Сейчас лето, много приезжих. Все, что угодно, может случиться, а потом ищи ветра в поле!

– Так она уже и сегодня отличилась, – наябедничала Верка. – Вон, взгляни. – Она кивнула в окно в сторону соседнего дома. – Видишь красавчика? Сегодня он у нее в ванне успел помыться, а перед этим Рогдай чуть не слопал его на завтрак.

Саша взглянул на Алексея, прибывающего планку на перилах крыльца:

– Какой он тебе красавчик? Это же новый директор лесхоза!

Верка выронила жестяную банку с каким-то компотом и с размаху села на стул.

– Господи! Надо же быть такой дурой! Честно говоря, меня его драные штаны смутили. Подумала, какой-то городской приехал подзаработать на папоротнике! – Она расхохоталась. – Я же его скелетом вдобавок ко всему обозвала!

Теперь Лене пришлось уже для Саши, правда, с Веркиными колкостями и шутливymi комментариями, описать свои похождения начиная со вчерашнего вечера.

Работа совсем прекратилась. На кухонном столе и вокруг него возвышалась порядочная груда свертков, коробок, пестрых упаковок с продуктами.

Вздыхнув, подруги опять принялись раскладывать все это продуктовое изобилие по многочисленным шкафчикам.

– Я вот одного не пойму. – Вера пыталась уместить в холодильнике несколько оставшихся пакетов и банок. – Это ж ты, Сашуля, не меньше чем на Маланьину свадьбу провизии привез!

– Я тоже смотрю, слишком всего много, – подтвердила Лена. – Гостей у меня человек десять-двенадцать намечается. Мне теперь и отпускных не хватит за все рассчитаться.

– Не беспокойся, придумаем, как тебе расплатиться, – улыбнулся Саша.

Лена заметила, что Верка не в восторге от шутки мужа, и поспешила сменить тему:

– Ума не приложу, куда ящик с вином затолкать, под шкаф не лезет, под ногами мешается. – Она с досадой пнула по нему ногой. Бутылки зазвенели, и Саша, который в это время упаковывал в коробку куски домашней ветчины и копченой грудинки, оглянулся на шум.

– Нет, так не пойдет! Вино, а заодно и мясо мы спустим в подвал. – Он подхватил коробки. – Покажи, куда поставить.

Лена шелкнула выключателем и открыла дверь, которая прямо из кухни вела в подвал. Спустившись вниз, она переложила копчености в специальный контейнер и поспешила на

помощь Саше, который пытался поставить ящик на полку рядом с банками с домашними вареньями и соленьями.

– От мышей подальше, а то дома они все этикетки на шампанском погрызли, – сказал он.

– Чего-чего, а мышей я еще не успела завести. – Лена поднырнула под его левую руку, подтолкнула ящик и внезапно оказалась прижатой крепкой мужской грудью к полке. Сделав попытку вывернуться, она развернулась к Саше лицом. Мгновение они ошеломленно смотрели друг на друга. Потом Саша, не спуская с нее глаз, словно проверяя реакцию, медленно коснулся губами ее шеи. От неожиданности Лена онемела и, вздрогнув, как от удара током, попыталась освободиться. Саша еще сильнее прижал ее к полке. Одной рукой он обхватил ее за талию, другую положил на грудь... Она вскрикнула от неожиданности, и он тотчас закрыл ей рот губами. Лена почувствовала, как жесткие настойчивые губы впились в ее губы, а язык требовательно раздвигает зубы. Не хватало дыхания, и, когда Сашина рука скользнула к застёжке ее брюк, Лена беспомощно забилась в его руках, с отчаянием сознавая, что может случиться непоправимое. Из всех сил, насколько позволяли тесно прижатые ноги, Лена ударила каблук по его ступне.

Саша отпрянул как ошпаренный.

– Ты что, с ума сошла? – вскрикнул он.

– Это у тебя крыша поехала! – Лена вытерла губы, поправила волосы. – По всем правилам, надо набить тебе морду и отправить к чертовой матери! Подлец ты и подонок, Сашка, оказывается! – Лена, не оглядываясь, направилась к лестнице.

Саша схватил ее за руку.

– Лена, прости! Сам не понимаю, что со мной! Ты видишь, я мужик здоровый, видно, Верки одной мне не хватает. А ты такая... сладкая! – добавил он тихо. – Кожа, как шелк. – Он провел пальцем по обнаженной до локтя руке Лены. – Давно хочу тебя, умираю просто. Ты ведь одна, разве не хочется мужика? Давай, я вечером приду, от Верки не убудет!

– Еще слово, и я все ей расскажу, – сквозь зубы пригрозила Лена. – Что ты городишь? Уймись, наконец! Стыд-то какой! – Лена застегнула верхние пуговицы рубашки, поправила волосы. – И никогда не поднимай эту тему, если не хочешь со мной поругаться.

– Прости, – Саша отвел глаза, – накатило что-то.

Он попытался взять девушку за руку, но Лена выдернула ее из его цепких пальцев.

– Все, кто старое помянет, тому глаз вон!

Не глядя друг на друга, они поднялись вверх.

Веры в кухне не оказалось. Лена выглянула в окно. Весело улыбаясь, ее подруга вела за калиткой оживленный разговор с новым директором и двумя молодыми бородатыми мужчинами в джинсовых костюмах.

– Лена, Саша, познакомьтесь, это Костя и Андрей, друзья Алексея Михайловича. Они просят разрешения осмотреть твою баню, – обратилась она к подруге, когда та вышла на крыльцо и подошла к калитке. – Алексей Михайлович собирается баню построить на своем участке.

Парни вежливо кивнули Лене.

– Это вы хозяйка? Можно попросить вашего мужа проводить нас? – спросил один из них.

И Лена поняла, что Саша все это время стоял за ее спиной.

– Ошибаетесь, это как раз не ее, а мой благоверный, – захихикала Верка. – Веди их, гид мой дорогой, все показывай, не утаивай. – Она подтолкнула Сашу в бок. – Будет, в чем Алексею Михайловичу косточки да еще кой-чего по субботам парить. – И, заметив его смущение, добавила жару: – Банька краше, когда в нее с любимой женщиной на пару ходят, тогда она и служит дольше, и дух в ней слаще. Правда, Сашуня? – Она обвела всех озорным взглядом и остановила его на директоре. – Так что обновлять баньку надо с молодой женой, Алексей Михайлыч.

– Думаю, за этим дело не станет, – пошутил Алексей, – авось и присмотрю кого. Девушек умных да пригожих немало вокруг. – Он посмотрел прямо в глаза Лене, и искра, казалось, пробежавшая между ними, снова вызвала у нее ощущение беспокойства и тревоги.

Саша молча повернулся и повел мужчин через огород к бане. Вера прихватила из машины пару пакетов яблочного сока, потащила Лену за руку в дом.

Потягивая через соломинку слегка кисловатый сок, подруги наблюдали, как мужчины обошли вокруг бани, вошли внутрь, потом прошлись по огороду, подошли к теплице. Саша, размахивая руками, с воодушевлением что-то рассказывал, кивая на дом.

– Ну Сашка, – Вера засмеялась, – ну, прямо хозяин-барин, только в чужом огороде. Небось тебя представляет. Ты ведь невеста у нас видная, да и не бедная. Слушай, Ленка, – она наморщила лоб, – а зачем директору жену себе на стороне искать, когда такая красавица, да еще и умница, рядом пропадает? – Она критически оглядела Лену с ног до головы. – Я не я буду, коли вас не сосватаю!

– Брось, Вера! – досадливо отмахнулась Лена. – Предоставь мне самой решать свои проблемы.

– Да уж ты их решаешь! Поди, двадцать восемь скоро? Для кого ты себя хранишь? Мужика пока не светит, а тебе детей рожать надо. Что толку сохнуть в нашей дыре и ни разу мужика не поймать? Дура ты, Ленка! – рассердилась Вера. Но тут новая мысль пришла ей в голову: – А хочешь, я тебя со старшим братом познакомлю, с Германом? Он у нас человек серьезный – не то, что я. В тридцать четыре уже старший опер по особо важным делам в краевом угрозыске. Это тебе не фунт изюма. Жена у него пять лет назад от рака умерла. Ему с бабами некогда баловать, а уж тебя бы он оценил, слово даю. Зарплата у него приличная, мужик он видный, не хуже твоего Алексея Михайловича...

– Ах, уже моего? – притворно рассердилась Лена и кинула в Верку пустой пакет.

Та схватила нож для мяса:

– Зарэжу! – и погналась за подругой.

Так Саша и застал их: Верка сидела под кухонным столом, вопила: «Караул! Убивают!» – и отбивалась ногой от швабры, которой Лена пыталась извлечь ее на свет божий.

– Вера, я поеду, переоденусь. Помогу мужикам немного. Как вы тут? Без меня справитесь? – спросил он, не глядя на Лену.

– Да езжай, езжай. Что тебе тут с бабами делать? Там, конечно, мужские разговоры, анекдоты, пиво, а тут салфеточки, занавесочки. Давай не мешкай, с директором полезно дружбу водить. – Верка вылезла из-под стола и чмокнула мужа в щеку. – Только к ужину не задерживайся.

Саша уехал и через полчаса, переодевшись в старенькие джинсы, привез с собой бензопилу и упаковку пива. Верка проводила мужа взглядом и вздохнула.

– Всем хорош мужик, но терпеть не может заниматься бабыными делами.

Они быстро навели порядок в кухне и перешли в гостиную. Сняли чехлы с мебели, распечатали коробки и принялись освобождать от упаковки картины.

Все вещи были из Лениной московской квартиры и недавно пришли багажом. Квартиру она продала еще в прошлый отпуск. Прежде чем выслать вещи, отец крепко выругал ее по телефону:

– Ты поступаешь слишком опрометчиво! Что тебя держит в этой дыре? Одну глупость ты уже сделала – продала квартиру, но зачем тебе собственный дом в деревне? Ты что, решила там навсегда остаться?

Лена заметила, как наострила уши телефонистка, и, сказав отцу, что совершенно ничего не слышит, положила трубку.

О существовании некоторых вещичек она просто-напросто забыла и, освобождая их от упаковки, испытывала радость и грусть одновременно, возвращаясь мыслями в счастливые

времена юности. Некоторые из них были связаны с Сергеем. Она погладила по голове плюшевого тигренка, которого он подарил ей во время одной из прогулок, купив с лотка. Лена прижалась к игрушке лицом и вдруг почувствовала легкий запах табака. Это был запах мужа. И она вновь ощутила острую горечь огромной утраты, которая притупилась за эти годы. Боль, как электрический разряд, пронзила ее и заставила разрыдаться в голос. Вера, вынимавшая из коробок книги, бросилась к ней, обняла за плечи, пытаясь заглянуть в глаза.

– Что с тобой? Что случилось, Леночка?

Но Лена, уткнувшись лицом в мягкую игрушку, плакала так горько и надрывно, что Вера не выдержала и тоже захлопала носом. Сбегав на кухню за водой, она заставила Лену сделать несколько глотков и, прижав ее к груди, начала, раскачиваясь, приговаривать:

– Успокойся, маленькая, успокойся, глупенькая. Что прошло, уже не вернуть. Поплачь немножко, все горе со слезами вытечет. Узелок развяжется, легче жить станет. – Достав носовой платок, она вытерла глаза и нос подруге.

Лена улыбнулась:

– Ты будто бабушка-причитушка, успокаивать умеешь.

– Действительно, меня бабушка так научила заговаривать. И правда, все куда-то уходит. – Вера легко поднялась на ноги, потянула за собой Лену. – Давай-ка книги наверх перенесем, я их по стопочкам разложила, чтобы легче было.

Из всех комнат Лене больше всего нравилась мансарда под крышей, и не случайно она решила оборудовать здесь свой кабинет. С балкона вид открывался ошеломляющий: весь поселок лежал как на ладони, а дальше на все четыре стороны тянулись покрытые лесом сопки, переходившие в горные массивы. Сквозь прозрачный воздух просматривались седые вершины гольцов. Густые синие тени скрадывали провалы. На их фоне резче выступали освещенные солнцем гребни гор. Все еще покрытые снегом, они напоминали о себе ураганскими ветрами, гулом лавин и камнепадов.

В это время, когда в горы только-только пришла весна, они особенно опасны. И люди, работавшие там, – лесники, егеря, смотрители биостанции, метеорологи – несмотря на огромный опыт, постоянно рискуют жизнью. Но человеку несведущему горы кажутся воплощением вечной красоты, неподвластной ни времени, ни стихиям.

– Ой, Ленка, завидую я тебе, такая красотища вокруг! – Верка раскинула руки, словно хотела обнять открывшийся им вид, и огорченно вздохнула. – А наш дом словно в яме: с одной стороны гора, с другой – гора, а посередине – мостик... Зато тебе до школы целый час добираться. Но ничего, сосед у тебя при колесах, подбросит по случаю. – Верка заглянула Лене в глаза. – А может, мне за ним приударить? Я девка видная, на язык бойкая, живо уговорю...

– Ладно тебе, и правда слишком бойкая! Пошли лучше с уборкой закончим, – остудила ее пыл Лена. Она не хотела себе признаваться, но слова подруги ее неприятно задели.

С коробками провозились долго: прошел не один час, пока расставили все книги по полкам, разложили и развесили одежду, снесли ненужную посуду в подвал. Развешивали шторы, расстилали большой ковер уже из последних сил. И хотя еще не вся мебель стояла на своих местах, а картины отвернулись лицом к стене, комната уже приобрела жилой вид.

Светлые обои, на полу ковер цвета осенних листьев и в тон ему шторы на окнах создавали ощущение покоя и душевного комфорта. Вера открыла окно. В комнату с мягким дуновением ветерка ворвались ароматы поздней весны: цветущей черемухи, молодой листвы и горьковатый запах меда, исходивший от высоких кустов, покрытых мелкими белыми цветочками, названия которых Лена не знала.

– Слушай, подруга. – Вера развалилась в новом кресле, положив ноги на подлокотник. – Сегодня у нас банный день, к предкам тащиться неохота. Как ты смотришь на то, чтобы твою баньку обновить?

– Вера, я сама еще толком не знаю, как там все включается-выключается.

– Ну это мы мигом! – Верка поспешила на улицу, а Лена отправилась на кухню, вспомнив, что с самого утра, кроме кофе и сока, ничего не держала во рту. Сделав на скорую руку несколько бутербродов с ветчиной и включив кофеварку, она через окно наблюдала, как Верка носится по усадьбе. Через некоторое время та уже с торжеством докладывала, что электропечь включила, баня нагревается, горячая и холодная вода поступают исправно. Прихватив пару бутербродов и сделав несколько торопливых глотков кофе, Вера вооружилась большим ножом, веревкой и ушла в рощу на заготовку веников.

Заморив червячка, Лена принялась за ужин. В холодильнике еще с зимы у нее оставался изрядный запас домашних пельменей. Их она и решила сварить и приготовить легкий салат из свежей зелени. Лена не привыкла уделять слишком много времени возне на кухне и выбрала блюда, которые можно приготовить на скорую руку.

Оставшись одна, она вновь и вновь мысленно возвращалась к событиям дня. Последние годы жизнь ее текла степенно и размеренно. И вдруг разом все перевернулось. Сказалось ли какое-то особое положение звезд на небе или катаклизмы на Солнце, но все ее душевное равновесие полетело вверх тормашками. И надо же, Сашка, сдержанный, вежливый, которого она любила не меньше Верки, как с тормозов сорвался. Лена вспомнила прикосновения его губ, напрягшиеся мускулы, и ее передернуло от стыда и отвращения. Нет, теперь уже никогда не сможет она беззаботно смеяться и подшучивать над ним, обнимать и целовать в щеку в благодарность за незатейливые подарки на Новый год и 8 Марта. И в отношениях с подругой не будет прежней теплоты и открытости. Каково сознавать, что ее муж так откровенно тебя домогается.

Громкие вопли и визги оторвали ее от грустных мыслей. Лена выскочила на крыльцо и замерла, заведя голосившую от страха подругу. Верка с огромной охапкой березовых веток в руках летела со всех ног из рощи, а за ней, не отставая ни на шаг, мчался старый козел Митрофан. Как и его хозяйка, бабка Лушка, Митрофан целыми днями шлялся по поселку, пытаясь забраться в чей-нибудь палисадник или огород. Зная его наглый и злобный нрав, хозяева встречали гостя хорошей хворостиной.

Козел противно блеял и норовил поддеть противника длинными, пожелтевшими от старости рогами. Подобно своей вечно пьяной хозяйке, Митрофан мог улечься спать где и когда угодно. И не дай бог потревожить его сон. В ярости он был ужасен и беспощаден.

Один раз он умудрился пристроиться спать на здании поселковой администрации, откуда его снимали пожарные, потратив на неравную борьбу с упрямой скотиной более часа. Поглазеть на бой местного значения сбегалось полпоселка. На орущую благим матом животину накинули волейбольную сетку, спустили на землю и, дав крепкого пинка, отправили восвояси.

И вот теперь этот злыдень, спавший, очевидно, где-то в кустах и нечаянно попавшийся Верке под ноги, пытался отомстить особе, посмеявшейся нарушить его послеобеденный сон. Верка все-таки исхитрилась заскочить в Сашину «Мазду», и Митрофан принялся лупить рогами по бамперу так, что машину раскачивало из стороны в сторону, как хлипкое суденышко в девятибалльный шторм. При этом он отвратительно блеял и рыл землю передними копытами. Верка со страху нажала на клаксон и давила на него, не переставая, пока из дома напротив не выбежали мужчины.

Примчавшиеся следом собаки внесли еще большую сумятицу. Они попытались предпринять атаку с флангов, а мужчины, прихватив солидные хворостины, с тыла. Но хитрая скотина в прыжке, которому позавидовал бы олимпийский чемпион, взлетела на крышу автомобиля.

Флинт попытался схватить козла за ногу, и был тут же отброшен мощным ударом рогов. Рогдай зашелся истеричным лаем, но Митрофан вертелся ужом, не позволял схватить себя сзади, одаривая противников ударами налево и направо. Лена представила, что сейчас переживает Саша. Его «Мазда» не больше месяца колесила по улицам поселка, а тут такое непотребство, гнусное покушение на его белоснежную красавицу. Он в сердцах схватил с земли тяжелое березовое полено и запустил в козла, попав ему точно по загривку. Тот жалобно мек-

нул и свалился на головы обезумевших псов. Через секунду распавшийся на три части лохматый клубок уже со всех ног и лап мчался к лесу. Причем Митрофан на целый корпус опережал преследователей.

Саша бросился осматривать машину, к его радости и удивлению, царапин почти не осталось. Алексей открыл дверцу и помог несчастной жертве нападения выйти на свободу. Паршивка окончательно пришла в себя, но не преминула повиснуть у Алексея на руках, тесно прижавшись к нему бедром. Заметив все эти хитрости, Лена расстроилась. И, сердясь на себя – ей-то какое дело, пусть Верка подучится, за красивого мужика подержится, – вернулась на кухню. Заслышав шаги, она оглянулась. Алексей, обхватив руками охапку березовых веток, насмешливо смотрел на нее.

– Можно ли вторгнуться в вашу священную обитель без разрешения, миледи? – Он ответил шутливый поклон.

– Что привело вас в наши края, сэр? – в тон ему ответила Лена. – Это вас Вера запрягла?

– Ну, запрячь меня вряд ли получится, а по-джентльменски помочь перепуганной даме я всегда рад. – И он церемонно поклонился.

Ветки посыпались из рук. Они одновременно наклонились к ним и столкнулись лбами, отчего Лена охнула и села на пол. Потирая лоб, Алексей рассмеялся:

– Определенно мне противопоказано с вами встречаться. Следующая травма может закончиться инвалидностью или, того хуже, смертельным исходом. Вы что, на всех так действуете или избирательно?

– Избирательно! – буркнула Лена и отвела протянутую в помощь руку. Сосед вел себя слишком нахально и раздражал ее, тем более что шишка на лбу увеличивалась. Лена поднялась на ноги и достала из холодильника контейнер со льдом, положила несколько кубиков в полиэтиленовый пакетик и приложила ко лбу.

– Да, заявку на конкурс красоты временно придется отложить. – Алексей окинул Лену скептическим взглядом и заметил сердитые искорки в ее глазах. – Похоже, вы постоянно пребываете в состоянии глухой обороны. У противника нет никаких шансов захватить вас врасплох. Но все-таки оборона – плохая тактика. Я предпочитаю нападение. – Не попрощавшись, он вышел, и уже через окно Лена увидела, как они с Сашей пожимают друг другу руки, а Верка кокетливо улыбается. Досадливо отшвырнув потекший пакет, Лена налила в стакан апельсинового сока и устроилась с ним на кухне.

– Ты что такая сердитая и беспорядок вдобавок ко всему устроила? – Верка вошла в кухню и по-хозяйски принялась убирать ветки с пола, и тут заметила на полу лужу от растаявшего льда. – Здесь случайно не слезы ли твоего соседа пролились?

– Твои шутки у меня уже поперек горла стоят. – Лена сердито отодвинула недопитый сок. – Я нечаянно лбом о холодильник ударилась, вот и пришлось лед прикладывать.

– Точно я тебе говорила, – повернулась Вера к мужу, который, стоя на пороге, молча наблюдал за ними, – Ленку надо или на цепь сажать, или вообще ни на минуту без присмотра не оставлять.

Саша по-прежнему молча прошел в кухню, включил телевизор, стоявший на шкафчике в углу, и сел в кресло смотреть «Вести». Непривычно хмурый, он, казалось, ни на кого и ни на что не обращал внимания. Лена снова почувствовала странную неловкость, словно оказалась в компании малознакомых, абсолютно чужих людей. Та аура доброжелательности, тепла и любви, исходившая от этих милых ее сердцу людей, сменилась атмосферой нервозности и напряженности. Она старалась отогнать это как наваждение, как дурной сон, пытаясь оправдать все своей усталостью, а инцидент в подвале объяснить как недоразумение, которое она просто-напросто нечаянно спровоцировала. «Все обойдется, уйдет в прошлое, забудется, наконец, – успокаивала она себя. – Только не стоит забывать, что Сашка – мужик, и мужик молодой, здоровый, а таких в „просто друзьях“ держать сложно». По своему прежнему опыту она пре-

красно это понимала, но здешняя жизнь так отличалась от ее прошлого. Она непозволительно расслабилась, а потеря контроля ведет зачастую к непоправимым ошибкам.

Верка, проверив кастрюли, недовольно покрутила носом.

– Пока я геройски отбивала атаки проклятушей заразы Митрофана, ты, оказывается, лоботрясничала, а может, за мужиками подглядывала в щелку, вон они какие крепенькие, славненькие. Все при них, я вблизи разглядела. Ничуть моего Сашуни не хуже! – Она подхватила Лену за талию, весело закружила по кухне. – А мы ведь тоже еще о-го-го! Вот сейчас в бане намоемся, попаримся, расслабимся, хоть картину с нас пиши, а кое-кого и замуж бери. Александр! – С командирскими интонациями у Верки все было в порядке. – Как бы ты ни старался сегодня, но от кухонных дел тебе не отвертеться. Слушай внимательно: мы сейчас идем в баню, пока не остыла, а тебе боевое задание – пельмени сварить, чай вскипятить, закусочки к этому делу сварганить! – И она залихватски щелкнула себя по горлу.

Глава 5

Баня оказалась что надо! Свежий смолистый запах от обитых сосновой дощечкой стен, аромат распаренных молодых березовых листьев, густой пар, через который еле-еле пробивался свет электрической лампочки, – все создавало ощущение нереальности происходящего. В приятном расслаблении, лежа на нижней ступеньке полка, через полузакрытые веки Лена наблюдала, как Верка, забравшись на самый верх, яростно хлещет себя веником.

– Ой, мамочки! Ой, лишенько мое! – Она наконец спустила с полка длинные, с круглыми коленками ноги, пристроилась рядом с подругой. – А что, может, еще парку поддадим? – Она развела руки и сладко потянулась. – Нет, пожалуй, хватит, а то сваримся мы тут с тобой вкрутую!

Она внезапно подхватила Лену под мышки и потащила ее в предбанник.

– Хватит лежать, пора охладиться! – Верка толкнула ее в огромную ванну с ледяной водой и тут же, визжа от восторга и ужаса, последовала за подругой.

Как ужаленные, девушки выскочили из ванны, выплеснув половину воды на пол.

Верка бросила Лене большое полотенце:

– Оботрись пока! – А сама подошла к двери, высунула голову наружу, крикнула:

– Саша, принеси чего-нибудь попить! – Протянув голую руку, она взвизгнула от щипка мужа и приняла божественный дар – две запотевшие баночки пива.

Закутавшись в пушистые банные полотенца, вытянув ноги, подруги устроились на деревянных лавках предбанника. Спинки их изображали обнаженных мужчину и женщину, искусно вырезанных из кедровых досок школьным столяром.

– Смотри-ка, а Захарыч у нас стыдливый, все самое интересное листиками прикрыл. – Верка провела рукой по резьбе, касаясь сокровенных мест мужского тела. – Этого бы мужичка да к нам сюда под пиво, как ты думаешь?

– Ох, Верка! Только одно у тебя на уме!

– А неужели ты, подруга, за все это время ни разу о мужике в своей постели не подумала? Да ни за что не поверю! Сашка на неделю за товаром уедет, а я каждую ночь вижу, как он мне ноги раздвигает. Проснусь вся в поту, будто наяву все происходит. А ты столько времени живешь одна. Неужели тебе не хочется? Не хвораю, справная, да на тебе воду возить можно, а мужика и подавно! – Верка отхлебнула пива и зажмурилась от удовольствия, но интересную ей тему не оставила: – Ты только глазом поведи – полпоселка сбежится. Не хочешь замуж – не надо, заведи себе любовника, а лучше двух, чтобы было, с кем сравнивать. Я вот думаю, – она глубокомысленно уставилась на спинку диванчика, – у мужиков это дело одинаковое или все-таки различается по размеру? Санек-то у меня здоровенький, так и все остальное под стать, до печенок достанет, а вот Киселев сморщенный весь, росточком метр с кепкой, так и мужские дела, наверное, со стручок, а может, наоборот, кто их знает?

– Ну, подруга, по-моему, хороший тебе кнут нужен или такой вот стручок на каждую ночь, – засмеялась Лена и шлепнула вскочившую с лавки Верку по голым ягодицам. – Ишь, ненасытная, и откуда у тебя такие мысли берутся?

– А что? Мне моего хватает. – Верка приоткрыла дверь в парилку и потянула Лену за руку. – Пошли, что ли?

– Пошли!

Еще пару раз хорошенько пройдясь веником по молодым спинам и бедрам, девушки ополоснулись прохладной водой и опять разлеглись на нижних ступеньках полка.

– Конечно, мне моего Санька вполне хватает, – продолжала как ни в чем не бывало Верка. – Я ведь и с тобой могу поделиться, если хочешь...

У Лены неприятно екнуло в груди.

– Ты что, перепарилась или от пива крыша поехала? – Она резко села.

– Ну не сердись. – Верка невинно улыбнулась. – Сейчас везде пишут про секс втроем или даже вчетвером, кто как сможет. А почему бы и нам не попробовать? Представляешь, сейчас я зову Сашку, он входит, видит нас голеньких. – Она сладострастно изогнулась. – Как ты думаешь, на кого он на первую ляжет? Тебя, наверное, выберет, ты же свеженькая, а я уже ему приелась!

– Прекрати, дуреха, начиталась всякой ерунды и молотишь языком почему зря! – Подхватив таз с холодной водой, Лена опрокинула его на Верку. – Очнись, подруга, да пойдем одеваться, а то ужин давно уже остыл.

Верка, взвизгнув, соскочила с полка, ухватив Лену за руку, остановила ее:

– Ты погоди, конечно, про Сашку я зря сболтнула. Ни с кем, даже с тобой, я делиться не собираюсь. А кто попытается к нему сунуться, того быстро к общему знаменателю приведу. Ты присядь, я серьезно говорю, пора кончать с твоей холостяцкой жизнью. С тебя же картины писать можно. Я ведь вижу, как у мужиков носы бледнеют, когда ты одетая по поселку идешь, а представляешь, если тебя кто вот в таком виде увидит? Знаешь, я тебе иногда завидую. Каждое утро бегаешь, холодной водой обливаешься, а мне лень. А грудь сравни: моя и твоя! Мои словно дыни. – Она подняла, будто проверяя на вес, пышные груди с небольшими розовыми сосками. – Тебе лифчик носить не надо, они у тебя вон как вверх торчат! А ноги, талия, бедра? Ленка, я без смеха заявляю: ищи мужика, а то я поисками займусь, и не будет тебе никакой пощады!

– Господи, Вера, ну какие тут у нас мужики. Если и есть стоящие, то давно такими, как ты, расхватааны, – рассмеялась Лена. – А кого попало мне не надо.

– Ну а молодой рентгенолог чем не жених? Пусть в общежитии живет, но зато при мотоцикле, а у тебя с жильем все в порядке.

– Он же лет на пять меня моложе.

– И тебе никто больше двадцати трех не дает.

– На вид – это одно, а по паспорту – совсем другое, – снова засмеялась Лена.

– В постели он у тебя паспорт спрашивать не станет, а когда влюбится, уже поздно будет, поезд ушел. Или вот директор. Я заметила, как он на тебя посматривает.

– Все они посматривают, – устало отмахнулась Лена, но почувствовала, как приятное тепло разлилось по телу. – Да за ним уже наверняка полпоселка охотится. У нас в школе полно молодых и свободных девиц, и в больнице, и в самой конторе. Одна Зинка-бухгалтерша чего стоит! Она хотя и старше нас, но как бюстом поведет, мини-юбку натянет – и окажется наш директор за высоким Зинкиным забором на цепи пожизненно.

– Ты, смотрю, уже все варианты просчитала, – усмехнулась Верка. – Ох, запал он тебе в душу, вижу, запал!.. Ну что ж, мужик он видный, голова вроде неплохо работает, и руки золотые. Что касается жены, не думаю, что он ее по степени удойности подбирать будет. По моему, у него совсем другие критерии отбора. – Задумчиво посмотрев на подругу, Вера обмотала влажные волосы полотенцем. – Я-то думала тебя с Германом познакомить. Но пока он в наших краях объявится, чувствуя, многое может измениться.

Когда подруги наконец вышли из бани, на улице уже стемнело. На Привольный опустился поздний вечер. Внизу перемигивался огнями поселок, блики лунного света серебрились на перекатах Казыгаша. Горы черными громадами еще больше сдвинулись к поселку, еще плотнее подступила тайга. Темную бездну сплюсь усыпали звезды, необычайно крупные и яркие, в городе такое зрелище доступно только в планетарии. На далеких мрачных вершинах лежал слабый отблеск вечерней зари. Солнце не до конца сдало свои позиции, но огромный оранжевый серп луны уже взошел над лесом, показывая, что ночь вступила в свои права. Где-то внизу плескался пережат, коротко взгогатывали гуси, изредка доносились далекие голоса. Прохладный ветерок проник под халатики, разметал легкие полы, и, зябко поежившись, девушки

поспешили в дом. Там уже всюду пытел самовар, горкой возвышался на блюде салат, и исходила ароматным запахом кастрюлька с горячими пельменями. Саша, повязав себя Лениным ситцевым фартуком и косынкой, хлопотал у плиты. Стол был выдвинут на середину кухни и сервирован на четверых.

– Понятно! И кого же, если не секрет, ты в гости пригласил, пока хозяйка в бане мылась? – недовольно спросила Лена.

– Извини, Лена, что без твоего согласия, но я позвал на ужин Алексея Михайловича. У нас за целый день ничего, кроме пива, во рту не было. Костя и Андрей уже уехали, в поселковую столовую он опоздал, а в холодильнике у него пусто.

– Ладно, чего уж там, накормим и напоим его, от нас не убудет, правда, Лена? – поспешила поддержать мужа Верка.

– Хорошо. Я не против. Позови его, Саша, – согласилась поставленная перед фактом хозяйка.

– Да я уже вроде тут, на пороге. – Синие глаза смотрели на Лену, как ей показалось, со слегка виноватой улыбкой. – Простите меня за некоторое нахальство, незваный гость, говорят, хуже татарина, но я сам напросился на пельмени. Очень уж они завлекательно пахнут!

– Не переживайте, господин директор, у нас тут запросто: смокинги не требуются, вечерние платья отменяются! – Верка усадила Алексея рядом с собой.

Сашка поставил свой стул поближе к Лене и, заметив, что она тут же отодвинулась, помрачнел, нахмурился. Лене пришлось по праву хозяйки раскладывать по тарелкам пельмени. За знакомство выпили по стопочке водки, затем по другой. Украдкой наблюдая за своим визави, Лена отметила, что аппетит у него отменный, а манеры весьма обходительные.

Поглощая обильно приправленные специями пельмени, Алексей успевал ухаживать за Верой, подкладывал ей салат, подавал то солонку, то горчицу, умело вел светский разговор, и в довершение всего нахалка все-таки выпила с ним на брудершафт.

Забыв о присутствующих, они весело болтали, причем захмелевшая Верка положила руку на плечо Алексея и забыла оттуда ее убрать. Лена почувствовала, как Саша пододвинулся к ней вплотную. Горячая рука скользнула ей на колено, нырнула под халатик и поползла по внутренней стороне бедра...

Лена успела перехватить под столом его руку и растерянно посмотрела на соседа. Такого неприкрытого, почти животного вожделения ей еще не приходилось наблюдать. Борьба рук под столом закончилась Сашиной победой, и он с силой попробовал раздвинуть ей бедра. Лена резко вскочила на ноги. Уставившись на нее слегка пьяными глазами, муж подруги дерзко усмехнулся, и только присутствие Веры и Алексея удержало Лену от приведения приговора в исполнение: очень сильно у нее чесались ладони на пару хороших пощечин по самоуверенной, розовой физиономии.

Алексей тоже поднялся из-за стола:

– Саша, по-моему, вашей жене пора в постель.

Изрядно захмелевшая Верка настолько низко склонилась над столом, что роскошная грудь почти вывалилась наружу из выреза футболки.

– Да, да, – засуетился муж. – Лена, где ты нам место отведешь, в гостиной или в спальне, а то я машину отогнал в гараж, пока вы в бане парились.

Лена онемела от его наглости. Ни о каком ночлеге в ее доме и речи не шло. Но тут зазвонил телефон, Лена подняла и сразу передала трубку Вере.

Звонила Любовь Степановна. Верка, вмиг протрезвев, вскочила со стула.

– Санька, со скоростью звука мчимся домой. – И она подмигнула Лене. – Вот и Герман, легок на помине!

– И как мы сейчас по такой темноте поедим? – Сашка разочарованно посмотрел на супругу. – У тебя ноги заплетаются, да и я не лучше.

Лена вдруг поняла, что и водка на столе, и быстро захмелевшая Верка, с которой Саша обычно глаз не спускал, – все это пункты одного плана, и ночлег задуман не спонтанно: Верин муж сдавать позиции не собирался.

Быстро взглянув на хозяйку, Алексей словно почувствовал ее смятение и предложил отвезти Шнайдеров домой на своей машине. С очевидной неохотой Саша повел жену на улицу...

– Вы не будете против, если я на обратном пути заеду чай свой допить? – Насмешливый огонек в глазах Алексея подтвердил худшие Ленины опасения: сосед в довершение всего оказался обжорой, и такое положительное свойство характера, как стеснительность, напрочь у него отсутствует.

Природная деликатность и воспитание не позволили ей отказать, и, досадуя на свою мягкотелость, она принялась убирать со стола и мыть посуду. Гости уехали, и стены дома будто сдвинулись, обхватив ее тисками одиночества. Темные окна напротив, тоскливые крики ночной птицы, глухой шум, проникший через раскрытую дверь из рощи, заставили ее сердце сжаться, а горло свело от невыплаканных слез. Глухо скрипнула половица, Лена испуганно оглянулась. Рогдай, шельмец, тихонечко пробрался в дом, обнюхал, прижался к ее коленям.

Лена присела на стул, притянула к себе большую черную голову пса:

– Дружище ты мой дорогой! Проголодался, наверное, а ведь я про тебя совсем забыла.

Она вытащила из холодильника кастрюлю с собачьим варевом. Вспомнив о Флинте, разлила еду на две миски: если хозяин голоден, как пес, то и пес голоден, как хозяин. Вынесла на веранду одну из них – под шумок Рогдай и не столько мог съесть, а Семен Яковлевич строго-настрого приказал ей собаку не перекармливать.

Рогдаю шел третий год. Несмотря на свой сравнительно молодой возраст, был он собакой крупной и сильной. Грудь у него была пошире и помощнее, чем у других лаек, да и в холке он был повыше. Многие охотники в поселке предлагали Лене за него большие деньги: Рогдай слыл отличной зверовой собакой.

Прошлым летом его попытались увезти заезжие геологи, за что поплатились в ключья изодранной палаткой, которой они по глупости своей решили его поймать. Охотничий талант достался Рогдаю от матери, а медвежатника из него сделал Веркин отец, знающий в этом деле толк. В прошлом году они с Рогдаем избавили соседнюю деревушку от набегов дерзкого шатуна. Как оказалось, злобный и коварный медведище не только успел проломить крышу деревенского свинарника, задрать двух свиней и десяток покалечить, но, предварительно убив, сожрал своего сонного собрата прямо в берлоге. Рассказы о том, с какой страстью искал и преследовал зверя Рогдай, со временем стали больше походить на легенду, чем на обычные охотничьи байки.

В поразительных способностях своей собаки Лена убедилась в марте, когда ушли в тайгу и не вернулись три второклассника. Позже выяснилось, что они налегке решили сбежать до пещеры с древними наскальными рисунками, о которой слышали, но никогда не видели. Захватив по куску хлеба с салом, они отправились в экспедицию, естественно, забыв предупредить родителей. Родители тоже не обеспокоились, когда дети не пришли ночевать. В поселке, где все друг друга знают и на каждом углу по родственнику, в порядке вещей оставлять ночевать приятелей детей, если те слишком припозднились. Только утром, когда одной из мам позвонила встревоженная учительница: сын не явился на важную контрольную, семьи всполошились. Поднятые по тревоге поселковая милиция, пожарные, охотники обшарили всю близлежащую тайгу, но даже следов исчезнувших ребят не обнаружили.

Тогда на лыжи встали все, кто более или менее мог на них передвигаться. Обезумевшие от горя матери держались только на уколах, со дня пропажи детей пошли третьи сутки, а мороз в эти мартовские ночи достигал двадцати с лишним градусов.

Лена и Рогдай попали в одну из групп, в которую входили наиболее подготовленные и опытные лыжники. Они прочесывали самые опасные, грозящие лавинами и камнепадами склоны гор. Прихватив Рогдая за поводок, Лена бежала по покрытому вечерними тенями лесу. Вдруг, сильно потянув, Рогдай повел ее в сторону от маршрута. Лена перевесила карабин с плеча на грудь, в сумерках в лесу можно ждать любого сюрприза. Спустившись в ложок, пес вывел ее к едва заметной тропе, но утренний снежок прикрыл все следы, если они там и были когда-либо. Но Рогдай не отступал. Нетерпеливо повизгивая, он прижал уши к голове: просил отпустить его. И Лена отстегнула поводок от ошейника. Дальнейший путь вспоминался потом как кошмарный сон. Рогдай шел по тайге каким-то немыслимым зигзагом. Как потом объяснил Семен Яковлевич, лайка с хорошим чутьем улавливает запах зверя или человека спустя двое, а порой и трое суток, тем более в тайге, где запах остается не только на земле, но и на ветках, на листьях, на коре деревьев, к которым случайно прикасаются люди или животные.

Лена молила бога: только бы не сломались лыжи в невообразимом хаосе валежника, камней и глубокого, по пояс, снега. Но всевышний хранил не только ее, но и заблудившихся детей. Через час изнурительного бега она неожиданно оказалась на большой поляне, уставленной зародами сена. Рогдай с лаем бросился к одной из копен, и, к ее великой радости, из нее высунились три взлохмаченные, обсыпанные сенной трухой головенки. Сено, да еще запас хлеба и сала позволили ребятишкам осмотрительно отсидеться в стоге, когда они, окончательно заблудившись, набрали на спасительную поляну.

Выстрелив из ракетницы зеленой ракетой, означающей: ребята найдены и живы, Лена принялась отпаивать мальчишек горячим чаем из термоса. Жадно прихлебывая настоящий на меде и травах чай, мальчишки наперебой рассказывали, как прошлой ночью к стогу приходили маралы и объедали сено, а потом недалеко были волки, и вот тогда было немножко страшно. Рогдай с чувством выполненного долга свернулся клубком у их ног и только изредка поднимал голову, напрягал уши, прислушивался к глухому шуму готовящейся к ночи тайги. Тогда и спасителей, и спасенных подобрал лесхозовский вертолет. Но сколько бы после этого ни приходилось Лене бывать с Рогдаем в тайге, он всегда выводил ее к тому месту, откуда они начинали свой путь. И как бы далеко они ни заходили, пес ни разу не сбился с пути, оставаясь верным своей привычке возвращаться обратным, или, как говорят охотники, «пятным», следом.

Послышался шум мотора, хлопнула дверца...

Лена подняла голову, Алексей вошел в дом, удивленно посмотрел на нее.

– Вы всю ночь двери не запираете? А, понимаю, – он увидел Рогдая, – ваш телохранитель, как всегда, на посту.

Лена выпроводила пса на улицу, покормила Флинта. Алексей посмотрел на жадно лакающего похлебку пса.

– Кажется, ему здесь нравится не меньше, чем мне!

– Давайте я посмотрю вашу руку. – Лена коснулась повязки. – Бинты надо поменять, слишком грязные.

– Да уж, сегодня им досталось, дел в доме непростоворот.

– Что же вы в директорском доме не поселились? Там ничего не надо доделывать и переделывать.

– В этом мавзолее? – Он передернул плечами. – Зачем мне такие хоромы? Решили отдать его музыкальной школе, мне и этот великоват, но просто выбора не было. В гостинице сами знаете: ни помыться как следует, ни побриться. А вас не смущают размеры вашего дома, не боитесь заблудиться?

– Надеюсь, что я не всегда буду одна.

– И много кандидатов, желающих скрасить ваше одиночество?

Лена промолчала, но Алексей заметил, что ей не понравился вопрос, и решил опасную тему оставить в покое. Девушка тем временем очистила рану перекисью водорода, наложила тампон с мазью и крепко перебинтовала руку.

– Все-таки есть небольшое воспаление, – сказала она. – Вы так и не послушались моего совета, не обратились в больницу.

– Ничего, успею, – сказал Алексей, осматривая повязку, затем перевел взгляд на Лену. – Не знай я, что вы учитель, подумал бы – сестра милосердия. Ну как? До утра не отвалится? – Он провел рукой по повязке.

– Из своего опыта могу сказать: ночь продержитесь, а утром не поленитесь обратиться к врачу.

– Утром в пять часов я уже буду по дороге на биостанцию.

– Тем лучше, покажитесь там фельдшеру. – Лена выбросила грязные бинты, вымыла руки. – Чайник включите, если будете чай пить, остыл совсем.

Сокрушенно почесав в затылке, отчего волосы встали по-детски трогательным ежиком, Алексей неожиданно виновато спросил:

– Елена Максимовна, а пельменей у вас не осталось? Что-то я опять проголодался.

Лена заглянула в кастрюлю, засмеялась:

– Тут вам еще и на завтрак будет.

Усевшись за стол, он радостно потер руки.

– Я так понимаю, вы меня и на завтрак приглашаете?

– А вы определенно нахал, – улыбнулась ему хозяйка.

– Что вы, я наглею только на голодный желудок.

Алексей взглянул на Лену и почувствовал, как у него пересохло в горле. В простеньком домашнем халатике, раскрасневшаяся, с милыми ямочками на щеках, она была так хороша, что у него защемило в груди. Удивительно грациозным движением она потянулась за вскипевшим чайником. При этом полы халата резко разлетелись в стороны, на мгновение открыв стройные колени.

Алексей судорожно сглотнул. Лена, не заметив, какой неожиданный эффект произвели на гостя ее несложные маневры, принялась разливать чай.

– Вам с молоком или с вареньем? – Она недоуменно посмотрела на соседа. – Что-то случилось? Вы так странно на меня смотрите.

– Лена, – голос его звучал чуть хрипловато, а взгляд был столь пристальным, что она испуганно присела рядом. – Лена, – повторил он, одновременно боясь отвести взгляд и в то же время пугаясь завораживающей зеленой глубины ее глаз, в которую он погружался все больше и больше.

– Вам плохо? – прошептала девушка и прикоснулась кончиками пальцев к его руке, сжимавшей чайную ложку.

Алексей вздрогнул, как от удара током, обхватил ее руку своей и, потянув, усадил девушку к себе на колени. Охнув, Лена попыталась освободиться, но он, словно жаждущий в пустыне путник, притянул к ней, раздвинул языком горячие губы. Как два давно не видевших людей странника, они устремились навстречу друг другу и слились в поцелуй яростным, страстным, сметающим все преграды. Лена обхватила руками голову Алексея, запуталась в его волосах, которые на ощупь были такие мягкие и шелковистые. Она чувствовала, как его руки нашли застежку халата и тут же спустились к груди и захватили ее в плен. Непередаваемое, не испытываемое ранее даже в самые счастливые минуты жизни чувство восторга охватило ее. Тело перестало подчиняться сознанию, и она прекратила сопротивляться своим желаниям. Напряжение в ней росло, и она застонала от нетерпения, когда Алексей, прекратив ласки, легко поднял ее на руки и понес в гостиную. Она обхватила его за шею, прижалась обнаженной грудью к его пылающему от возбуждения телу.

Моля об одном, чтобы хватило терпения не взять ее прямо у порога, на ковре, он донес Лену до дивана. Осторожно опустил ее на подушки, встал перед ней на колени, до конца растянул халат и умело снял его с плеч. Лена осталась лишь в одних маленьких кружевных трусиках. Алексей отвел ее руки, стыдливо прикрывающие грудь.

– Не бойся меня, покажи, какая ты красивая!..

Лена окончательно потеряла ощущение времени и реальности происходящего. Тело требовало все большего наслаждения, все более смелых ласк. Тупая сладостная боль билась в ней, искала выхода, спускаясь вслед за пальцами мужчины, и, когда он снял с нее последнюю преграду, она выгнулась ему навстречу, застонав, раздвинула ноги. Подняв затуманившиеся от желания глаза, Алексей, словно спросил ее согласия, коснувшись самого сокровенного места. Сладостные судороги пронзили тело, она закричала от неопишуемого восторга и откинулась головой на спинку дивана, приглашая Алексея овладеть ею. Лихорадочно сбросив одежду, он опустился коленями на край дивана и резко вошел в нее. Лена вскрикнула, подалась всем телом навстречу Алексею, обняла его руками за талию. Каждый мощный толчок ввергал ее в пучину неимоверного блаженства, которое все нарастало, нарастало...

– Алеша, еще, не останавливайся! – умоляла она, а он, подхватив ее под ягодицы, шептал что-то очень нежное и в неистовой вечной схватке двух начал вел ее к вершинам счастья. Окружающий мир вспыхнул и распался на тысячи частей. Они издали одновременно то ли вскрик, то ли всхлип и упали в объятия друг друга. И в этот момент телефон взорвался звонками. Уставшая, в сладостном томлении, Лена протянула руку и услышала голос подруги:

– Ты еще не спишь? Завтра возьмем Германа в Белогорье на лыжах кататься. Будь готова к шести утра. Мы за тобой заедем.

Этот звонок окончательно привел ее в чувство.

Она словно со стороны увидела до крайности неприличную сцену: переплетенные руки и ноги едва знакомых мужчины и женщины, его ищущие губы у ее груди. Она резко оттолкнула голову Алексея.

– Господи, что же я наделала! – Сев на диване, Лена быстро натянула на себя халат.

Алексей тоже сел, пригладил рукой волосы.

– Лена, что-то не так? – встревоженно спросил он.

– Все не так! – Лена застегнула последнюю пуговицу, швырнула ему джинсы и рубашку и, не решаясь посмотреть прямо в глаза, приказала:

– Убирайся, да поживее!

И этот крепкий, красивый, такой уверенный в себе мужчина растерялся. Он привык доставлять женщинам удовольствие и принимать от них как должное проявление ответного восторга, но с такой неприкрытой агрессивностью, завершившей их умопомрачительное соединение, столкнулся впервые. В душе он признавал, что ни от себя, ни от нее не ожидал такого взрыва эмоций. Они были едва знакомы, а он любил ее с неожиданным, небывалым для него восторгом и догадывался, что и Лена не притворялась, она испытала то же самое.

Алексеем нестерпимо захотелось вновь сжать ее в объятиях. Но Лена отошла к окну, и, отвернувшись от него, нервно теребила в руках край шторы. Дождавшись, когда он более-менее приведет себя в порядок, она повернулась и, не глядя ему в глаза, зло отчеканила:

– Вы здесь были в последний раз, и надеюсь в дальнейшем с вами нигде и ни при каких обстоятельствах не встречаться.

Ошеломленно глядя на Лену, Алексей попробовал подойти к ней и, обняв, попытаться что-то объяснить, успокоить, но она, вырвавшись, закричала с гневом и слезами в голосе:

– Воспользовался, негодяй, что я здесь одна. Убирайся, я тебе сказала, пока Рогдая не позвала!

– Простите, синьорина. – Напоминание о Рогдае окончательно отрезвило Алексея. – Помоему, вы хотели этого ничуть не меньше, чем я!

Звонкая пощечина не дала ему договорить до конца, и, криво усмехнувшись, Алексей покачал головой и вышел на улицу.

До прихода «уазика» с биостанции он так ни разу и не прилег. Нервно ходил по комнате, много курил и, чертыхнувшись, вновь и вновь бросал взгляд в сторону дома соседки.

Там, за темными окнами, тоже не спали. Сбив простыни в комок, скинув ночную рубашку, Лена металась в постели в каком-то странном полусне-полуяви, в котором невообразимо синие глаза, приблизившись вплотную, смотрели на нее с немым укором, будто спрашивали: «Что же ты наделала, Лена?»

Глава 6

В пять утра Лена была уже на ногах. Во времена своей недолгой журналистской карьеры ей пришлось научиться просыпаться быстро, без раскачивания, в любое время суток, после самого короткого сна. Приготовив горные лыжи, она упаковала в рюкзак термос с чаем и несколькими бутербродами. По прошлому опыту она знала, с каким размахом готовились к подобным мероприятиям Мухины—Шнайдеры, и ее бутерброды были просто данью привычке.

Шум мотора за окном всполошил Рогдая. Пес завизжал и запрыгал, скребясь лапами о калитку. За воротами у незнакомого микроавтобуса с «галстуком» – синей милицейской полоской – ее поджидала Верка, грызя большое зеленое яблоко. Саша хмуро посматривал через полуопущенное стекло салона. Незнакомый мужчина открыл ей дверцу и, поздоровавшись, помог загрузить в салон лыжи и рюкзак. Верка, отшвырнув в сторону огрызок, негодуя фыркнула:

– Мой-то с утра словно с левой ноги встал: хмурый, злой, и вроде вчера не много выпил. Мужчина, помогавший Лене, вышел из салона и подошел к ним.

– Ты меня представишь в конце концов Елене Максимовне или мне самому проявить инициативу?

– Конечно, смотри, Лена, и запоминай, иначе при следующей встрече лет через пяток и не узнаешь. Это мой драгоценный старший братец Герман Семенович, гроза бандитов и покоритель женских сердец в строго отведенные для этого часы. Мужчина он у нас неглупый, местами даже красивый, но...

Герман ухватил Верку за нос и потянул вниз.

– Ну и балаболка же мне в сестры досталась, проси пощады!

Наблюдая за затеявшими веселую потасовку братом и сестрой, Лена заметила, что они похожи как две капли воды. Герман, правда, выглядел несколько старше своих тридцати четырех. Небольшие залысины в густых темно-русых волосах, карие, почти черные глаза, крупный, красивой формы нос, жесткая линия губ и более твердый, чем у сестры, подбородок говорили о многом: владелец их был человеком с характером, привык отдавать приказы и не любил, если их не выполняли. Но веселые чертики в глазах указывали и на некоторую бесшабашность – от наследственности не избавишься, – при случае Герман, видно, был не прочь посмеяться и подурачиться. Обняв сестру за плечи, он подтолкнул ее к машине, подал руку Лене и помог зайти в салон.

В автобусе они сели рядом на одно сиденье. Вера устроилась напротив, а Саша растянулся на заднем, решив дотянуть свою обычную норму сна. Место водителя занял парень в спортивном костюме.

Путь их лежал за сто километров от Привольного, в знаменитое Белогорье. Сюда в летнее время съезжалось множество горнолыжников чуть ли не со всей Сибири, а порой даже из Москвы и Санкт-Петербурга. Чудесное это было место! Высокие горные пики, переходившие в доступные для лыжного спуска склоны, покрывал не тающий все лето снег. Цепь озер, которая осталась на месте растаявшего многие тысячи лет назад ледника, драгоценным ожерельем легла в ложе долины, заросшей вековым пихтарником.

Неописуемой красоты горы, волшебная синева озер, великолепие лугов настолько очаровывали побывавших здесь хотя бы раз людей, что они надолго заболели этими местами. Их не пугало отсутствие самых элементарных удобств. Наоборот, очереди у примитивных подъемников, жизнь в палаточном городке или тесной избушке, ночные бдения у костра настолько сближали людей, что большинство приезжало сюда много лет подряд, сначала с детьми, а потом уже и с внуками. Лена радовалась любому случаю побывать в Белогорье. Яркие костюмы лыжников, улыбки на черных от горного загара лицах, ультрамарин неба и изумрудная, сверкавшая

на солнце зелень, множество горных ручьев и речушек, торжествующе плясавших на перекатах и разбивавшихся на миллиарды брызг в крутую радугу над водопадами. Именно в таких местах человек получает особый энергетический заряд, который очищает душу от вредных наслоений цивилизации. Окружающая природа обостряет в нем чувства любви, милосердия и самоотдачи. Возвращаясь домой, Лена ощущала себя не просто отдохнувшей: каждая клеточка ее тела была словно промыта живительной водой, от которой вдвое прибавляется сил, а мир вокруг становится чудесным и привлекательным.

Микроавтобус шел по асфальту почти бесшумно и, только свернув на старую лежневку, изредка вздрагивал на неровностях, отчего успевшие задремать пассажиры открывали глаза и сонно таращились по сторонам. В одно из таких пробуждений Лена, к собственному стыду, поняла, что голова ее покоится на груди у Германа, а он сосредоточенно рассматривает ее лицо.

– Простите. – Лена подняла голову, уселась удобнее, подтянула резинку, стягивающую конский хвост, в который она собрала волосы. – Простите, – повторила она, – не заметила, как задремала...

– Ничего страшного, мои родственники спят всюю, даже всхрапывают. Намалялись ночью, бедняжки!

Лена покраснела, поняв, какой смысл вложил Герман в свои слова, и тут же вспомнила, почему сама не выпалась. Отодвинувшись от соседа подальше, чтобы он не заметил ее смущения, Лена спросила:

– Вы надолго в Привольный? По делам или в отпуск?

– И по делам, и отдохнуть немного. Я ведь здесь, почитай, лет пять не был. Даже на свадьбе у сестренки не смог погулять – в больнице провалялся.

Лена знала о тяжелом ранении, которое получил Герман незадолго до ее приезда в Привольный, а так бы они могли познакомиться еще на свадьбе. Веркин брат ей понравился. От него веяло спокойствием и уверенностью, чего так не хватало сейчас Лене самой.

Герман взял ее за руку и начал задумчиво перебирать пальцы.

– Не считите за комплимент, но в действительности вы оказались намного красивее. Верка мне все уши прожужжала в письмах, а вчера вечером особенно, фотографии показывала, так что морально я к встрече подготовлен.

– Герман, – Лена отняла руку, – не надо так, с ходу. Вы приятный человек, брат Веры, я рада знакомству с вами, но только не нужно сразу бросаться на абордаж...

– Вы меня неправильно поняли, Лена, я не собираюсь навязывать вам свои ухаживания. – Герман огорченно вздохнул. – Очевидно, вас уже достали комплиментами, намеками... Я совсем не то имел в виду. За свою жизнь я встречался со многими женщинами и научился по их лицам считывать всю информацию. Со стопроцентной гарантией, не хвастаюсь... – он усмехнулся, – могу определить, насколько дама умна, образованна, интеллигентна, наконец. Я говорю о женщинах вашего круга, не имея в виду своих клиенток.

– А что вы читаете на их лицах?

– Патологическую лживость, истеричность, зачастую дурной вкус, но при этом, как ни странно, иногда высокий уровень интеллекта при полном отсутствии интеллигентности даже при наличии высшего образования.

– Вот вы как хитро все закрутили.

– Результат многолетних наблюдений и выводов, я уже говорил об этом. Только сейчас многому переучиваться надо. Современные бандиты по старинке с кистенем на большую дорогу не ходят, а передовой опыт гораздо быстрее нас перенимают и усваивают.

– Не такая уж я дремучая. «Человек и закон» периодически смотрю, да и детективы о Насте Каменской с удовольствием читаю, – улыбнулась Лена.

– Значит, вы – человек подкованный и за себя, как сеструха давеча уверяла, постоять умеете?

Лена смутилась:

– Неужели надо было бежать по улице и голосить на весь белый свет? Эти подонки просто не ожидали сопротивления. Привыкли, что при виде их рож все цепенеют, а они от безнаказанности наглеют все больше и больше.

– Лена, я понял, вы человек смелый, но все до поры до времени. Люди эти, если их можно так назвать, существа беспринципные: они и лежащего до смерти ногами забивают, и старика и ребенка при случае не пожалеют. Походя над женщиной надругаются, да еще похвалиться этим станут.

Верка открыла глаза, сладко потянулась.

– Ты, конечно, за старое, братик? – Она выглянула в окно. – Заканчивай политинформацию. Слава богу, приехали!

Пока мужчины разгружали вещи и отгоняли на стоянку машину, девушки прошли по лагерю горнолыжников, выбирая, где можно устроиться. К сожалению, все лучшие места оказались занятыми. По обилию палаток и вытоптанной вокруг них траве было видно, что многие живут здесь уже несколько дней.

Тут и там на камнях вдоль ручья мелькали фигурки в ярких спортивных костюмах. Люди умывались, чистили зубы, брились, весело переговаривались друг с другом. Кое-где поднимался дымок костров, слышались звяканье посуды, негромкие разговоры. Между деревьями, как сигнальные флажки на флагманском корабле, развевались на ветру развешанные для просушки лыжные брюки, комбинезоны, разноцветные полотенца. Вид у лагеря был обжитой и дружелюбный.

Здесь принимали всякого, пусть даже с грехом пополам стоявшего на лыжах, но только ничем не нарушавшего спокойного течения этой жизни.

Наконец нашли свободный участок лужайки и перенесли туда вещи. Палатку решили не ставить, ограничились тентом и складными креслами. Дождя по всем признакам не ожидалось. День начинался чудесный! Лучи недавно пробудившегося солнца золотистым блеском залили снежные громады гор, пробрались между скупенными вершинами и упали на поляну. Ночной туман закачался и стал исчезать.

Мужчины отправились узнать, в каком состоянии трасса, работают ли подъемники, а может, и знакомых встретить. Девушки принялись готовить завтрак на небольшой газовой плите, захваченной Верой из дома. Сварили кофе, приготовили бутерброды с ветчиной, красной рыбой, икрой.

На свежем воздухе все поглощалось молниеносно и в большом количестве, так что подруги постарались от души. Вскоре вернулись гонцы с известием, что любителей покататься как никогда много, подъемники работают все, но несколько раз скатиться вряд ли удастся: очередь занимают с раннего утра, хотя снег не очень хорош, а трасса основательно разбита.

– Да здесь всегда так. – Вера удрученно махнула рукой. – Следить совершенно некому. Так что мы с Леной покатаемся на западном склоне, там без подъемников можно обойтись, а вы, если надо, лезьте в гору.

Позавтракали, осмотрели лыжи, проверили крепления. Лена обратила внимание, с какой ловкой уверенностью проделал это Герман не только со своими, но и с ее лыжами. Николай, водитель микроавтобуса и по совместительству коллега Германа из райотдела милиции, на лыжах кататься не стал, а, прихватив книгу, улегся на солнышке позагорать.

На западном склоне катались в основном новички и те, кто решил не тратить время на долгую очередь у подъемника, а от души покататься на простенькой трассе.

Солнце поднималось все выше. Большинство лыжников переоделись в шорты и майки с короткими рукавами, наиболее отчаянные разделись до купальников. В горах загорают быстро, и Лена с удовольствием наблюдала за кофейного цвета фигурками молодых парней и девушек, стремительно мелькавших среди пихт по склону горы. Непередаваемое ощущение соприкос-

новения разгоряченного обнаженного тела с обжигающе холодным снегом, когда на огромной скорости, не сумев войти в поворот, врезаешься в сугроб, а потом на пятой точке летишь вслед за лыжами, приводило в не меньший восторг лыжную братию, чем удачный спуск с горы.

Вволю накатавшись, насмеявшись, набарахтавшись в снегу, девушки вернулись в лагерь. Мужчины еще катались, только сменили шорты на джинсы и легкие свитера, в долине постоянно дул прохладный ветерок. Обед решили не готовить. У ближайшего торговца купили шашлыки, нарезали помидоры, огурцы, хлеб. Вера достала большой кусок окорока и жареную курицу, принесла из машины три бутылки сухого вина. Саша и Герман не заставили себя ждать. Обедали долго, после вкусной, сытной еды потянуло в сон. Мужчины пристроились под тентом, а Вера в кресле, прикрыв лицо носовым платком, чтобы не слишком загорело. Лена, захватив с собой фотоаппарат, решила пройтись вдоль ручья к подножию скал, где буйным цветом цвели жарки и крупные синие аквилегии.

Сквозь огромные, причудливо изрезанные листья аконита и борщевиков сверкали прозрачные струи. Ручей погромыхивал на перекатах, вода тихо скатывалась и замирала в глубоких промоинах, образованных мощными потоками талых вод. По более яркому цвету растительности Лена научилась определять неприятные ловушки – мелкие болотца и бочажки с ледяной водой, однако все равно скоро промочила ноги, а джинсы до колен покрылись липкой рыжей глиной.

Но вот тропа пошла вверх, и сразу стало суше.

Подножия скал были завалены крупными обломками, скатившимися сюда с откосов, и сплошь затянута мясистыми листьями бадана, местами уже выбросившего лилово-розовые цветы. Корни приземистых кедров присосались к камням, расползлись по щелям, образуя сплошную сетку узора. Везде, словно маленькие копыта, оцетинилась черемша. Это неприхотливое растение с резким чесночным запахом, которое так любят в Сибири в свежем, соленном, маринованном виде, Лене приходилось встречать и на дне долин, и на очень крутых склонах гор. Не успеет растаять снег, а черная земля тут же покроется зеленым частоколом.

Поднявшись на скальную террасу, поросшую карликовой березкой и на редкость красивой, с бархатистыми листьями, ивой, Лена оглянулась вокруг. Под ногами соткала ковер из упругих, с жесткими листьями веток кашкара. Кое-где среди нагромождения камней проглядывали ее нежно-желтые, словно восковые, цветы. Березки росли отдельно от ив, плотно прижавшись друг к другу, как бы понимая, что так, сообща, легче удержаться на отвесной скале.

Сразу за террасой крутизна смягчалась. До поляны оставалось метров пятьдесят сравнительно доступного подъема. Быстро преодолев его, Лена застыла от восторга. Будто споря между собой, незабудки, жарки, водосборы, ветреницы тянулись к солнцу. Широко раскинув листья, старались вобрать как можно больше тепла и света. Кусты смородины, малины, бузины покрылись ярко-зеленой листвой. Черемуха и рябина разносили далеко вокруг аромат своих соцветий. Поползни, овсянки, дрозды шныряли по кустам в поисках пищи, суеились, обустривали гнездышки.

Певчие птицы свистели без умолку, повторяя бесчисленное количество раз один и тот же мотив. На небольшом снежнике Лена обнаружила, к своему удивлению, множество паутов – эти огромные мухи настоящий бич маралов и особенно северных оленей, которые их панически боятся. Пауты были при последнем издыхании и еле-еле ползали по снегу. Эти злющие порождения тайги совсем не переносят холода, и такие вот поляны у подножия гольцов – настоящее спасение для оленей от этого бедствия тайги – надоедливой гнусы.

Сделав несколько, на ее взгляд, удачных снимков, Лена поднялась на скальный выступ и затаила дыхание. У самого края скалы выше по откосу стояла маралуха и срезала острыми зубами молодые побеги березы. Она перебирала ногами, чудом удерживаясь над обрывом, но продолжала пастись. Вскоре рядом с ней появился годовалый теленок. Сохраняя полное спокойствие, ланка улеглась буквально над головой Лены. Девушка решила спуститься ниже,

чтобы захватить в объектив все семейство полностью. Под кроссовками задвигались и зашуршали камни, но маралуха только с любопытством повернула голову в ее сторону. Теленок продолжал кормиться. Он свободно перепрыгивал с карниза на карниз, удерживаясь на крошечных выступках, и Лена следила за ним с замиранием сердца. Вдоволь налюбовавшись и сфотографировав «сладкую парочку», Лена спустилась к небольшому озерку, оставшемуся на месте растаявшего сугроба.

Вымыла кроссовки, застирала грязные штанины. И, усевшись на теплые камни в тени молодых кедров, задумчиво осмотрелась.

Внизу яркой заплаткой на зеленой скатерти альпийского луга раскинулся лагерь. Склоны горы Ровненькой, как разноцветные монпансье, усыпали лыжники. Недоступные скалы возвышались за ее спиной, и только огромный беркут парил над их вершинами.

Лена пожалела, что не взяла бинокль, чтобы разглядеть птицу поближе. Прислонившись спиной к нагретому стволу дерева, она сквозь полуоткрытые веки наблюдала, как, следуя потокам воздуха, беркут то взмывал высоко вверх, то опускался ниже уровня вершин. Потом он стрелой бросился к земле и, снова взмыв в небо, скрылся за острыми гребнями скал с небольшим живым комочком в когтях.

* * *

Пять лет назад она лежала на груди вещей прямо в пыли, на краю аэродрома в Ханкале. Отец бегал утрясать какие-то дела с военным комендантом. Она же, полумертвая от усталости, грязи и жары, прикрыв голову солдатской панамой, прищурившись, наблюдала, как огромная птица, распластав крылья, парит в белом от невыносимого зноя небе.

Прибежал отец, радостно обнял ее за плечи:

– Быстрее, Ленка, нас берут на «вертушку», которая везет раненых в Моздок.

Подхватив сумки с вещами, они со всех ног бросились к вертолету, окруженному медиками и военными. Из Чечни отправляли очередную партию раненых, в основном с ампутацией и серьезными черепно-мозговыми травмами. Молоденькие медсестры и санитары из солдат буквально валились с ног от усталости: сроки погрузки оговорены жестко, да и состояние многих раненых было угрожающим. Мат, стоны, слезы...

В Моздоке тяжелораненых перегрузили на транспортный самолет, который должен был доставить их в Ростов-на-Дону для лечения в военном госпитале. Отец договорился, что их тоже подбросят до Ростова, у него намечалось несколько встреч с военными, да и добраться оттуда в Москву было легче. Лена ждала погрузки у самолета, когда какой-то офицер в камуфляже с перевязанной рукой, споткнувшись о грудку снаряжения, выругался и повернулся к девушке.

– Чертова кукла, ты что на дороге свое барахло разбросала? – Но, увидев огромные глаза на перепачканном лице, дрожащие от сдерживаемых слез губы, смягчился:

– Ты этим самолетом летишь, девочка?

– Да, – прошептала Лена, – я – журналист, а это наш багаж.

– Журналист? – расхохотался офицер. – Думаешь, я поверю, что таких пигалиц стали в Чечню посылать?

Лена растерянно отвернулась, но он ухватил ее за плечи:

– Да не сердись, малыш, куда твое барахло закинуть?

Это была их первая совместная командировка, в которой отец задал бешеный темп, не щадя ни себя, ни дочь. Он ни в чем не давал ей спуска. И когда она, не выдержав, попросила пощады, отец жестко посмотрел ей в глаза:

– Ты знала, какую профессию выбираешь. У хороших журналистов животы из штанов не вываливаются. Наш хлеб нам дорого достается, запомни это, девочка.

И хотя им удалось побывать только в тех частях, куда их пустили, и побеседовать только с теми офицерами и солдатами, с которыми разрешили общаться, она знала, что и здесь отец ухитрился собрать материал, который, возможно, никогда не удастся показать по телевидению.

– Не зарывайся, Максим Максимыч, – увещевал его главный редактор перед отъездом, – выше головы не прыгнешь, так что ситуацию не осложняй, в каждую дыру не лезь, иначе тебе все командировки на Кавказ прикроют.

Отец соглашался, жал руки, улыбался, но с поразительным чутьем и интуицией выкапывал жареные факты и информацию, от которой полетели бы многие головы и, конечно, в первую очередь его собственная.

Проведя Лену в самолет, офицер пристроил ее за какими-то картонными коробками. Прикорнув прямо на сумках, она сквозь сон слышала, как ее нашел отец, прикрыл своей курткой и, прихватив диктофон, умчался, очевидно, брать очередное интервью.

Проснувшись она оттого, что кто-то осторожно поправил на ней куртку. Вскинув голову, она увидела того же офицера. Он смущенно улыбнулся:

– Извините, что разбудил. Куртка сползла, а в самолете довольно прохладно. – Он пристроился рядом. – Товарищ ваш, седой такой, лохматый, в другом конце самолета у раненых, что в состоянии говорить, интервью берет.

– И у вас взял?

– Нет, я сбежал. Разговоры о подвигах и тому подобном у меня уже в печенках сидят. А этот дядька ваш муж или начальник?

– Этот дядька мой отец, – рассердилась Лена.

– Я и смотрю, что для мужа он староват, – как ни в чем не бывало, заметил офицер. – Вас как зовут?

– Лена. Елена Максимовна Гангут.

– Это не ваши материалы в «Веселых картинках» мелькают?

– Где? – не поняла Лена.

– Да по телевидению.

– Нет, это папины, – сухо ответила девушка. – Я в газете работаю, и всего второй год. Пишу под фамилией Максимова.

– Это, значит, чтоб с отцом не путали, – хмыкнув, офицер развел руками. – Признаюсь честно, пока с вашим творчеством незнаком.

Лена очень-то и не обольщалась, что кто-то уже запомнил ее имя. Несколько статей, которые ей удалось напечатать, вызвали одобрение в редакции, но у читателей прошли незамеченными. Да и в Чечню она попала, по совести говоря, благодаря связям и напористости отца.

– Есть будете? – Офицер, порывшись в сумке, вытащил банку тушенки и хлеб. Потом развернул полотенце, достал плитку шоколада. – А это на десерт. – Разложил все на полотенце, поставил в центре фляжку. – Попробуйте «худорянчик», очень рекомендую, что-то вроде местного вина.

– А почему «худорянчик»? – Лена достала пластиковую бутылку с минеральной водой. – Вот это все, что у меня есть. Ужином отец обещал в Ростове накормить.

– Ну, до ужина еще долететь надо. Дурная примета наперед загадывать. А вот что такое «худорянчик» расскажу. Посмотрите, на чехле написано «Худорян». Был у меня сержант такой пару лет назад. Уезжая, подарил на память свою фляжку, мою-то «духи» продырявили. Отсюда и пошло: «худорянчик». – Плеснув немного из фляжки в пластмассовый стаканчик, он подал его Лене. – Давайте за знакомство. Меня Сергеем зовут, и фамилия у меня знаменитая – Айвазовский. Майор Айвазовский, прошу любить и жаловать. – Густо намазав тушенкой толстый ломоть хлеба, он протянул его девушке и усмехнулся: – Да вы не грейте напиток, он и так почти на точке кипения.

Хлебнув жидкость с резким запахом какой-то травы, Лена поперхнулась, небо запылало, спазмы сдавили горло, и «худорянчик» полился через нос.

– О господи! – Сергей привлек ее к себе, принялся вытирать лицо носовым платком. – Вы что, ничего, кроме молочной смеси, не потребляли?

Потерявшая дар речи Лена отрицательно покачала головой.

– Ну вот, связался черт с младенцем, – огорченно вздохнул офицер и, налив в кружку минеральной воды, протянул девушке:

– Запейте это безобразие и заешьте.

Лена уплетала бутерброд и наблюдала за своим нечаянным попутчиком. Здоровый, крепко сложенный, он возвышался над Леной, хотя и ее господь бог ростом не обидел, сантиметров этак на двадцать. Жестко вылепленные черты, насмешливые серые глаза, русые, выгоревшие на солнце волосы и брови на темном от загара лице. Да, писаным красавцем его не назовешь, но было что-то необъяснимо притягательное в облике майора, что заставляло задерживать на нем взгляд, вглядываться в глаза, услышать низкий, хрипловатый голос.

Несколько капель «худорянчика», попавшие в желудок, сделали свое дело. Лена почувствовала себя необыкновенно легко, и скованность, которую она всегда испытывала в присутствии малознакомых мужчин, улетучилась. Через минуту они уже весело болтали, забыв о жуткой действительности, которая была от них в нескольких шагах.

Маленькая медсестра в несвежем белом халате нарушила их уединение:

– Товарищ майор, Сергей, помогите! Там Нашиванов пришел в себя, плачет, пытается повязки сорвать.

– Ну так сделайте что-нибудь, чтобы он опять заснул, – недовольно проговорил Сергей. – Вы же медик, а не я.

– Без врача я не могу, а он в другом отсеке. Там у одного кровотечение открылось. Поговорите с ним, Сережа, прошу вас. У него после наркоза что-то вроде шока.

– Хорошо. – Сергей поднялся. – Это парень из моей группы. Вчера ему ногу ампутировали, – объяснил он Лене. – Пойдем, Наташа, покажи, где он лежит.

– Можно мне с вами? Я не помешаю, а если нужно, сумею помочь, – робко попросила Лена.

Сергей молча кивнул, и они вышли из своего укрытия. Увиденное потрясло Лену. Все пространство было уставлено носилками со стонавшими, метавшимися в забытии ранеными. В их отсеке находились люди с ампутированными конечностями.

По узким проходам сновали медсестры. Воздух был насыщен запахами лекарств, хлорки, несвежего белья, крови и пота. Страшное, невыносимое зрелище увидеть вот так, сразу, несколько десятков человек, еще несколько дней назад здоровых, крепких, красивых... Перечеркнутые мечты... утраченные надежды... Бледные, измученные лица, темные провалы глазниц, жалкие обрубки ног и рук... В жертву чьим политическим амбициям принесены молодость и красота? Будет ли подсуден когда-нибудь тот, кто послал их на смерть и поругание?

Лена склонилась к молоденькому пареньку с коротко стриженной головой и огромными печальными глазами. Корочка, покрывшая его губы, настолько сковала их, что он с трудом, еле слышно просил пить. Лена метнулась обратно, налила солдатику в кружку минеральной воды. Приподняв его голову, она попыталась его напоить, но капли воды, не попадая в рот, скатились по подбородку. Голова паренька как-то странно откинулась, и с ужасом Лена поняла, что мальчик умер. Осторожно опустив его голову на носилки, она почувствовала, как тепло стремительно покидает его тело. Окликнув одну из медсестер, Лена потрясенно наблюдала, как та молча пощупала пульс, подняла веки и проверила реакцию зрачков. Потом, не глядя на Лену, прикрыла его лицо простыней и так же молча поспешила дальше, к другим, способным еще позвать на помощь.

Лене уже приходилось видеть смерть под пулями, в бою. Раздавленные гусеницами тела, сожженные в бэтэрах, взорванные в грузовиках. Развороченные животы и оторванные конечности... Лена помнила, как ее вырвало, когда на ее глазах солдаты похоронной команды деловито собирали лопатами на брезент обгоревшие останки экипажа одной из БМД – боевой машины десанта. Отец отругал ее последними словами, а потом сказал:

– Смотри и запоминай. Придет время, не я, так ты сможешь рассказать об этой е... войне!

Лена, никогда не слышавшая мата от отца, про себя повторила грязное слово. Действительно, больше никак эту войну нельзя было назвать.

Сергей вернулся весь какой-то осунувшийся. От него резко пахло табаком и лекарством. Пристроившись рядом с Леной, он притянул ее к себе:

– Так удобнее, можете поспать немного.

Лена рассказала ему о смерти молодого солдата у нее на руках. Сергей чертыхнулся сквозь зубы.

– Такова проза этой чертовой жизни. Вот я только что от Нашиванова ушел. Ему два месяца до дембеля осталось, а теперь он где-нибудь только через полгода в свою деревню вернется. А у матери, кроме него, еще пятеро да папаша-пьяница. Куда ему, скажите, Лена, деваться в нашем раздолбанном государстве? Что ему останется делать? Пропивать жалкие крохи пенсии, ковылять по деревне на деревянной ноге? Он же умница, но кто его поддержит, кто? – Он с досадой стукнул кулаком по коробкам. Удар отозвался в раненой руке, и Сергей, обхватив плечо, сморщился от боли. – Нас в одном бою ранило. Вообще-то я и здесь, в Чечне, в госпитале мог бы перекантоваться. Ранение не слишком тяжелое, кость слегка задета, но нет, отправили в Ростов. Говорят, отъешься, с девушками подружишься. – Он внимательно посмотрел на Лену. – Я вам спать не даю своей болтовней?

Она доверчиво прижалась к нему, и Сергей, словно поддавшись какому-то необъяснимому порыву, склонился и прижался к ней губами. Потом они долго и неистово целовались. Задыхаясь от недостатка воздуха, на миг отрывались друг от друга и тут же опять смыкали губы в безрассудной, поглощающей без остатка страсти. Прежние студенческие поцелуи не шли ни в какое сравнение с этими. Сергей будто пытался вобрать в себя ее губы. Его язык творил какой-то немыслимый танец, захватив в плен ее рот. Каждый ее нерв отзывался на его прикосновение, кровь стучала в висках. Сергей расстегнул на ней рубашку, нашел застежку бюстгалтера. Лена не сопротивлялась. Она только слегка вздрогнула, когда он сжал ее грудь и стал осторожно ласкать своими теплыми, с шероховатой кожей, ладонями. Лена застонала от наслаждения, но Сергей прикрыл ей рот губами.

– Тише, девочка, я больше не буду.

Быстро застегнул ей рубашку, отодвинулся и, пристроив в изголовье сумку, закрыл глаза. Лена заметила на лбу у него испарину, а губы сжались в одну резко очерченную линию. Она почувствовала обиду. Видно, что-то не так в ней, если этот сильный, мужественный человек, так страстно желавший ее несколько минут назад, внезапно охладев, беззаботно устроился в углу и уже чуть ли не всхрапывает. Но с другой стороны, она ужаснулась: все ее моральные устои – не давай поцелуя без любви, не доверяй безоглядно первому встречному – не выдержали первого же испытания. Конечно, от такого мужчины, как Сергей, и у более опытной дамы голова пошла бы кругом.

Лена и не подозревала, что Сергей не спал и в душе ругал себя последними словами: «Сволочь, скотина. Немного очухался, и на баб потянуло. Пристал к сопливой девчонке, шизоид недоделанный!»

Самолет пошел на посадку. Прибежал отец и, не обратив никакого внимания на расстроенные чувства дочери, потащил ее к выходу. С Сергеем они мельком увиделись уже у трапа. Садясь в машину «Скорой помощи», он заметил Лену и, что-то сказав сердито кричавшей на

него медсестре, догнал отца и дочь Гангутов. Не обращая на Максима Максимовича никакого внимания, он прижал Лену к груди:

– Девочка, найди меня в Ростове, прошу тебя! – И побежал к машине, на ходу обернулся, помахав ей здоровой рукой.

Отец остолбенел.

– У тебя, дочь, оказывается, талант? Ты, случайно, замуж не вышла по дороге в Ростов?

Лена счастливо улыбнулась:

– Папка, не преувеличивай. Он мне помог в самолет забраться, тебя же где-то черти с квасом съели.

– Ты его фамилию хотя бы знаешь, чтобы искать?

– А как же. Фамилия у него громкая – Айвазовский. Ни с кем не спутаешь.

– Что же ты мне раньше не сказала, это же Айваз! – Отец с досадой хлопнул себя по лбу. – Помнишь, я тебе рассказывал о рейде наших разведчиков в горы? Боевики Дасаева пытались переправить через Грузию архивы Дудаева, но наши им помешали. Так это Айваз со своими бойцами отличился. Правда, тогда его ранили, но, оказывается, вот он, жив-здоров и даже дочку мою охмуряет.

В аэропорту они взяли такси и вскоре приехали в гостиницу. Всю дорогу отец не мог прийти в себя оттого, что упустил шанс разговорить легендарного Айваза.

– Ну надо же, я на его рязанскую физиономию даже внимания не обратил, почему-то считал, что Айваз – это какой-то кавказец по фамилии Айвазов, а он, оказывается, наш Иван, русский.

На следующий день они должны были улетать в Москву, но Лена уговорила отца найти Сергея – а вдруг получится взять интервью? Маленькая хитрость удалась, и через полчаса Максим Максимович и Лена ехали на такси в военный госпиталь. Лена впервые была в Ростове-на-Дону и восхищалась старинными зданиями, зеленью улиц и проспектов, обилием цветов и фонтанов.

Госпиталь окружал тенистый парк, по дорожкам которого бродили выздоравливающие и посетители.

Было очень жарко, и, скинув в гостинице надоевшие джинсы, Лена надела легкое, цвета молодой листвы платье на тоненьких бретельках, с юбкой, высоко открывающей стройные ноги.

Длинные волосы, отливавшие цветом старой меди, волной легли ей на плечи. Лена никогда не злоупотребляла косметикой, но в этот раз ей хотелось выглядеть особенной, не такой, как всегда. Она подвела помадой губы, подкрасила ресницы. Отец, увидев ее непривычный облик, присвистнул:

– Ленка, не будь я твоим отцом, влюбился бы, не задумываясь!

В комнате ожидания оказалось прохладно и почти пусто. Пришлось немного подождать: Сергей был на перевязке. Появившись в комнате, он поискал глазами, кто же вызвал его, и поначалу совсем не обратил внимания на высокую зеленоглазую девушку, сидевшую в углу на банкетке с большим пакетом винограда и яблок в руках. Отец вышел покурить, и Лена, которая надеялась на его поддержку, вдруг почувствовала странный холодок и пустоту в желудке, когда увидела, как майор, из-за которого она не спала всю ночь, равнодушно скользнул по ней взглядом и принялся рассматривать остальных присутствующих. Но вдруг, словно сигнал сработал в мозгу, глаза Сергея вспыхнули, он резко повернулся к девушке, растерянно смотревшей на него.

– Господи, Лена, Леночка! – Он бросился к ней, прижал к груди, гладил по голове, будто маленькую. Приподняв подбородок пальцем, заглянул в ее счастливые, переполненные слезами глаза. – Лена, я тебя не узнал сначала. Какая же ты красивая, девочка! – И он прильнул к ней губами.

Так и застал их отец. В каком-то неистовом безумии обнявших друг друга, не обращающих внимания на косые взгляды нескольких пожилых женщин.

Предупредительно кашлянув, отец прошел к банкетке, взял забытый всеми пакет с фруктами.

– Ребята, перерыв можно сделать?

Лена и Сергей испуганно отпрянули друг от друга.

Глядя на их пылающие лица, Максим Максимович радостно потер руки:

– Ну-с, Сергей. Как вас там по отчеству? Как отец этой безрассудной девчонки, по старому русскому обычаю я должен потребовать от вас объяснений.

Сергей смущенно пригладил короткие волосы, притянул Лену к себе.

– Простите, что я вот так сразу, после двух часов знакомства... Но, поверьте, сегодня всю ночь глаз не сомкнул. Думал, уже все, не найдет она меня, не будет искать. И даже когда вниз вызвали, не надеялся, что это она. А тут вместо чумазой девчонки, – он ласково посмотрел на Лену, – такая красавица. Невольно голову потеряешь.

– Ладно-ладно! Извинений все равно не приму. И выкуп с вас возьму более существенный. – Он полез за диктофоном.

– Пощадите, ради бога, Максим Максимыч. – Сергей упреждающе взял его за руку. – Через некоторое время я буду в Москве по делам, честное слово, всю автобиографию вам расскажу, а сейчас у меня всего пятнадцать минут.

– Ну, что ж, ловлю на слове. – Гангут убрал диктофон и посмотрел на дочь. – Лена, я тебя в саду подожду, и не забудь адрес этому молодцу дать, иначе я все равно его из-под земли достану.

Присев на свободные места, они безотрывно смотрели друг на друга. Через несколько минут им предстояло расстаться. Прошедший огонь, воду и медные трубы майор, не раз терявший друзей, пользовавшийся огромным успехом у женщин, нечаянно-негаданно оказался в плену у худенькой большеглазой девушки, которая еще и целоваться-то как следует не умела, но умудрилась пробудить в нем такую бурю чувств, какой он не испытал ни с одной женщиной.

Строгая бабуля в очках с ярко-розовыми от румян щеками загремела ключами, выпроваживая всех из комнаты ожидания: время свиданий закончилось. Крепко поцеловав Лену на прощание, Сережа прошептал ей на ухо:

– Я тебя обязательно найду в Москве. Жди телеграмму, прилечу как на крыльях.

Телеграмма пришла только через две недели. Лена извела всех домашних, бросаясь со всех ног на каждый звонок. Никому не доверяя, тщательно проверяла почту и периодически звонила в отделение – не потерялась ли где телеграмма. Но принесли ее, когда она была на работе. Бабушка, которая переживала не меньше внучки, позвонила ей в редакцию. Через час, попросив редакционного шофера подвезти ее, Лена бросилась в аэропорт.

Неловко держа на перевязи раненую руку, в чисто выстиранном и отглаженном камуфляже, Сергей возвышался на целую голову над толпой пассажиров. На него обращали внимание, уступали дорогу, а какой-то парень попытался помочь нести большую спортивную сумку.

Подпрыгивая от нетерпения, Лена помахала ему рукой, и Сергей, радостно заулыбавшись, пробрался к ней через толпу пассажиров.

Дома их встречало все семейство. Отец, мама, бабушка, даже младший брат не задержался по своему обычаю с друзьями во дворе. Примчавшись домой незадолго до их приезда, он буквально ел глазами легендарного Айваза, о подвигах которого успел поведать своим домашним Максим Максимович. Как оказалось, Сергею должны были вручить звезду Героя России. Никита, обалдевший от восторга и восхищения, готов был не пойти на занятия в университет, чтобы долговязым хвостиком сопровождать их повсюду, куда бы они ни направлялись.

На вручение награды и торжественный прием Лена идти сначала отказалась, не представляя, в каком качестве она там появится. Она уже поняла, что влюбилась в этого мужчину безоглядно с той самой минуты, когда он нечаянно толкнул ее на аэродроме в Ханкале.

К сожалению, Сергей в Москве вел себя иначе, чем в Ростове: ни разу ее не поцеловал, и она постоянно ощущала недоговоренность, натянутость между ними. После утомительного банкета, на котором им только раз удалось потанцевать друг с другом – Сережа был нарасхват у девиц с захватывающими дух формами, – они возвращались домой на машине, предоставленной организаторами банкета. Уставшая от толкотни, духоты, оглушающей музыки, слегка захмелевшая от шампанского, Лена затаилась на заднем сиденье. За окном автомобиля мелькали блестящие от дождя улицы. Появились первые желтые листья, облетевшие с лип и берез, а редкие прохожие, согнувшись под порывами сентябрьского ветра, брели домой к теплу и уюту.

Сергей тоже молчал. Новенькая звездочка тускло отливала золотом на его парадном мундире. Водитель включил музыку, зазвучал ее любимый вальс из фильма «Мой ласковый и нежный зверь». И Лена вдруг зарыдала, уткнувшись лицом в свои плотно сжатые колени.

– Лена, что с тобой? – Сергей прижал к себе худенькую, вздрагивающую от слез фигурку. – Что с тобой, родная? – Он покрыл поцелуями ее лицо, затем освободил волосы от шпилек, приник губами к пушистой волне. – Дурочка, я же люблю тебя, больше жизни люблю. Боялся только сказать. – Он взял в ладони ее заплаканное лицо. – Мне ведь назад возвращаться, а там всякое может случиться. Ты сама это видела, знаешь.

– Сереженька, давай поженимся. Не могу я без тебя. И если просто так уедешь, никогда тебе этого не прощу.

Гангуты вроде даже и не удивились такому течению событий. Правда, отец попытался поговорить с Леной о тяготах жизни жен военных. Но дочь, словно опоенная любовным дурманом, смотрела на него, глупо улыбалась и, не дослушав, убегала к своему ненаглядному.

После свадьбы они отправились на дачу к знакомым и там провели самую короткую и самую счастливую в своей жизни неделю. Сергей был удивительно нежен и внимателен. Утром они уходили в лес за грибами, но всегда возвращались с почти пустыми корзинами. На лесных, прогретых не по-осеннему жарким солнцем полянах находили другие удовольствия, от которых потом долго болели губы и кружилась голова. Сергей не знал усталости, словно про запас пытался насытиться любимой и не мог.

В их одержимых ласках все больше проскальзывало предчувствие близкого расставания, и потому всю неделю они не отходили друг от друга ни на шаг.

В день отъезда отец запретил Лене ехать в аэропорт.

Она была на грани истерики, цеплялась за мужа, рыдала в голос.

Максим Максимович не выдержал, отвел ее в другую комнату.

– Ты что, дуреха, делаешь? Рыдаешь как по покойнику. Ему же служить надо. Каждый день под пулями будет ходить, а на нем лица нет. Прекрати сейчас же выть, держи себя в руках!

Плакать Лена перестала, но, проводив Сергея и отца до машины, сутки не выходила из своей комнаты. Только через год Сергей появился в их московской квартире, которую она купила без него. Пообещал остаться на месяц, но уже через две недели его нашел угрюмый лейтенант, заставил расписаться в какой-то книге, и Сережа уехал. Уехал навсегда, чтобы вернуться к ней, своей любимой и желанной, в цинковом гробу...

Треск сучьев откуда-то снизу заставил Лену открыть глаза. Она вытерла слезы, поднялась с камней.

По тропе шел Герман.

– Вот вы где, а мы вас потеряли, Лена. Уже больше двух часов прошло. Скоро домой возвращаться.

Лена взглянула в небо: беркут опять парил в поднебесье, и кто его знает, может, это душа Сережи навестила ее. Недаром так четко и ясно она вспомнила все пережитое.

Глава 7

Провести вечер в компании друзей Лена наотрез отказалась. Дома ее ждали непроверенные тетради, голодный Рогдай и до сих пор не прочитанное письмо от отца. Кроме того, ей очень хотелось поскорее остаться одной. Теперь она уже не испытывала того ледящего чувства тоски и безвозвратной потери, которое охватывало ее всегда при воспоминании о Сереже.

Сегодня она словно сбросила с себя неимоверно тяжелый груз. Вместе со слезами ушло ощущение ненужности и заброшенности. Несмотря на все, что случилось с ней за эти три дня, она вновь почувствовала себя красивой молодой женщиной, способной любить и быть любимой.

Проверив итоговые работы десятиклассников, Лена тихо порадовалась: три года в Привольном прошли не зря. Она научила своих учеников не просто сопоставлять и анализировать, но прежде всего думать, критически осмысливать не только прошлое, но и настоящее. Конечно, деревенские ребята меньше витают в облаках, чем их городские сверстники, они раньше узнают цену хлеба, и хотя уступают горожанам в информированности, но практическая смекалка всегда поможет им найти выход в сложной ситуации.

Подготовившись к урокам, Лена решила прочитать письмо, но его в портфеле не оказалось. Она пересмотрела все книги, тетради, пролистала «Ежедневник», но письмо как сквозь землю провалилось. Решив, что оно выпало из портфеля во время драки и вряд ли отыщется, если Ильюшка не подобрал, Лена прекратила поиски.

Накинув белый пуховый платок – подарок бабушки перед отъездом в Сибирь, – она вышла на улицу.

Ночи стояли прохладные, но Лена любила посидеть на крыльце, вволю надышаться ночным, полным весенних ароматов воздухом. Правда, было немного жутковато смотреть на темный лес, глухо шумевший невдалеке, но это совсем не портило удовольствия.

Ночь звездным шатром пала на горы и на поселок. Луна еще не поднялась над Бяшкой, но ее присутствие угадывалось по слабому серебряному нимбу, осветившему вершину гольца. В темноте исчезли, растворились привычные очертания скал, долины, леса. Из поселка еще доносились вечерние шумы, но и они стихали, люди готовились ко сну после долгого, трудного дня. Даже Казыгаш притих и притаился, не ворчал сердито на перекатах, не громыхал камнями. Ночь пришла на землю!

Свет небольшой лампы, стоявшей на веранде, вырывал из мглы только небольшой кружок, метра два в диаметре, и Лена, глядя в темноту, видела лишь непроницаемую стену, за которой прятался таинственный, необозримый мир.

Рогдай, накормленный и отпущенный на волю, изредка пробегал мимо открытой калитки, шумно втягивал воздух и опять уносился по своим собачьим делам.

Раза два он подбегал к дому напротив и коротко взлаивал, вызывая приятеля на randevu. Но в доме было тихо, в окнах темно, и никто псу не отвечал.

Стараясь не смотреть через дорогу, Лена невольно нет-нет да и бросала взгляд в сторону особняка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.